Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

В серии "Литературный Димитровград" публикуются произведения членов городского писательского отделения СП России. В этих книгах представлено все лучшее, что создается их авторами на земле Причеремшанья, что имеет литературную и историческую ценность, обогащает культурный облик города.
Серия начата в честь 120-летия посада Мелекесс, ставшего основой для нынешнего Димитровграда. Восстановление в 1997 году городского самоуправления и первое - после 1917-го - всенародное и демократическое избрание Главы Димитровграда, - положили начало созданию новой страницы в истории местной литературы и культурном обновлении городского общества.

Нонна Алиева
Александр Никонов
Дмитрий Смольников
Анна Филимонова

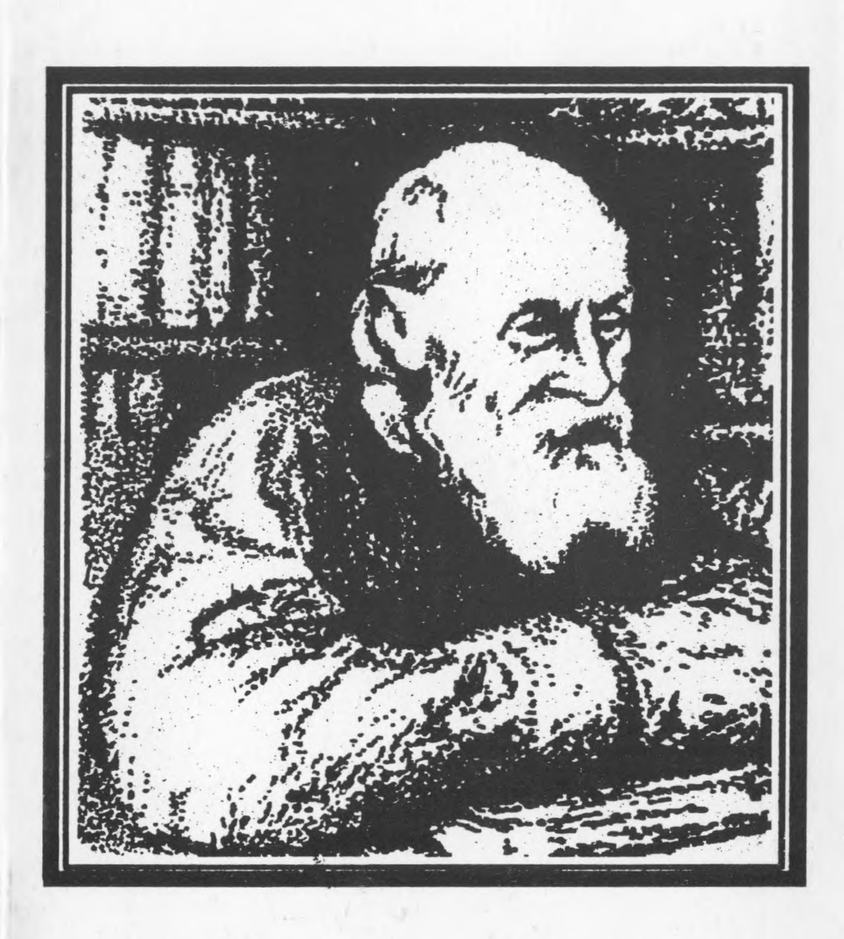
ЧЕРЕМШАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Посад
1877 1997
Мелекесс

Дмитрий Смольников

КОЛДУН

Дмитрий Смольников

КОЛДУН

Рассказы

ПОСАД

1877 1997

МЕЛЕКЕСС

Р 7
С 21

Дмитрий Егорович Смольников
Колдун
Рассказы

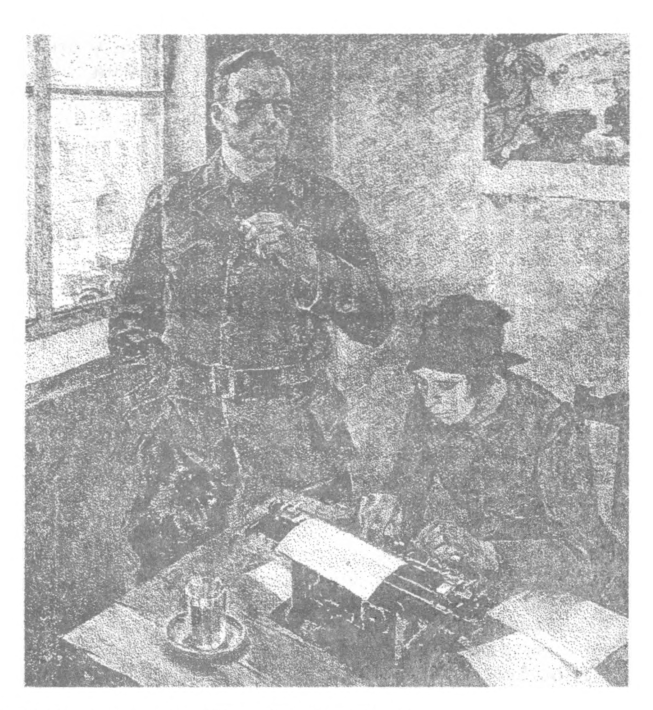
Авторский вариант
Редактор В.Гордеев
Дизайн обложки, титула
и верстка Т.Царевой
Корректор О.Гордеева

Подписано в печать 28.04.97. Формат 60х84/16.
Печать офсетная. Объем 3 п.л. Тираж 5000 экз.
Заказ № 8662.
Совместный выпуск: Издательств "Поинт" - "Посад Мелекесс",
433510, Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.
Отпечатано с оригинал-макета в Димитровградской типографии,
Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

СМОЛЬНИКОВ Д.Е.
С21 Колдун. Рассказы
Димитровград: "Поинт" - "Посад Мелекесс", 1997. с.49
Книга серии "Литературный Димитровград. Проза"
Обертка с загл. "Черемшанский перевал"

С $\frac{7\text{-}4\text{-}7}{38\text{-}97Д}$

ISBN 5-86646-094-7

ТЕМНАЯ БАБА

В пассажирском поезде, шедшем из Симбирска в сторону Бугульмы ехал студент Московского ветеринарного института Павел Федотов. Он только что сдал экзамены за третий курс и теперь спешил на летние каникулы в родной Мелекесс.

Поезд шел досадно медленно. Вдобавок, на некоторых станциях его загоняли в тупик, и он подолгу простаивал, пропуская встречные грузовые эшелоны, спешившие доставить на фронт очередной груз.

Мелекесс встретил Павла ночной грозой. Почти над самым вокзалом небо то и дело простреливали причудливые зигзаги молний, отчего вся округа озарялась на мгновение ярким светом. С каждой такой очередной вспышкой молнии здание вокзала со всеми его пристройками, суетившиеся на перроне люди и стоявший на путях поезд вырывались этим светом из окружавшей их ночной тьмы и виделись какими-то сказочно неповторимыми. Неизменным оставалось лишь темное низкое небо, скупо и безразлично отражавшее падавший свет. Следом за вспышкой раздавался сочный треск, сопровождаемый долгим гулким раскатом. При этом было впечатление, что гудит все небо.

Едва Павел вошел в помещение вокзала, чтобы скоротать время до утра, как пошел дождь. Редкие крупные капли вскоре сменились настоящим ливнем. Собравшиеся внутри вокзала лю-

ди, преодолевая страх перед грозой, столпились у открытой двери. Каждому хотелось посмотреть на разгул стихии собственными глазами.

Продолжалась гроза недолго. Отгрохотав, она ушла в сторону. А с рассветом прекратился дождь. Когда выглянуло солнце, посад смотрелся чистым и уютным. Каждая улочка и переулок полнились свежей зеленью.

Появившиеся после грозы извозчики наперебой зазывали редких седоков. Кошелек у студента был такой тощий, что об извозчике нечего было и думать. С чемоданом и узлом в руках, обходя оставшиеся после дождя лужицы, он отправился в знакомую сторону.

***

Пока Павел в дороге, познакомимся с ним поближе. Его родители, как и далекие предки - коренные жители посада. Павел тоже родился и вырос в Мелекессе. За год до начала войны он поступил учиться в московский институт. Отец его был ветеринарным фельдшером, свое дело любил и ценил. Вняв советам отца, решил продолжать дело и сын. С началом войны отца призвали в армию и отправили на фронт. Год назад семья получила горестное известие о его гибели. Мать Павла умерла за два года до начала войны. Из родных у него осталась только сестра Анюта, тремя годами старше брата. Через год после смерти матери Анюта вышла замуж за слесаря с мануфактуры. В начале войны ее мужа тоже отправили на фронт, он тоже погиб. И осталась она, не считая брата студента, одна. Павел приезжал к ней лишь на лето. Оставшись без кормильца и без средств, Анюта пошла на поиски работы. С трудом устроилась ученицей ткачихи на льнопрядильно-ткацкую мануфактуру Алексеева. Росла она тихой, почти незаметной девочкой. Малейших ссор с кем-либо избегала, в чужие дела никогда не встревала. Если же ее кто-либо донимал, в таких случаях она спуску не давала, и обидчик получал заслуженную сдачу. В работе же она была совсем иной - упорной и настойчивой, не чуралась труда. К этому приучила ее покойная мать. На фабрике Анюта освоилась быстро. Видя, с каким проворством эта ученица управляется со станом, мастер перевел ее на самостоятельный урок. По прошествии же года он ставил ее уже в пример, и не кому-либо, а даже опытным ткачихам. Нравилась она мастеру и еще одним своим достоинством, которое ценилось им превыше всего, а именно тихим нравом и безотказностью в работе. Если случалось, что нужно было остаться на несколько часов после работы, Анюта никогда не перечила, всегда с готовностью оставалась и никогда не просила дополнительной оплаты. Когда мастер, а тем более приказчик, проходили мимо ее стана, она всегда с особым почтением кланялась им. Если же кто-либо из них вдруг о чем спрашивал ее, то никаких иных слов, кроме слов благодарности они от нее не слышали.

Что же касается Павла, то по характеру он был прямой противоположностью сестре - упрямый и большой правдолюб. Даже когда конфликт напрямую его не касался, он всегда вмешивался, держа сторону незаслуженно обиженного. "Ты точно как твой дед, мой отец, - сказала ему однажды покойная мама. - Тот тоже всегда правду искал. А правда, сынок, всегда посере-

дине лежит". В институте Павел был неизменным завсегдатаем студенческих собраний и сходок. За годы учебы у него появилось немало друзей. Постепенно они втянули его в тайный большевистский кружок, где они читали запрещенные книги, вели беседы и дискуссии на политические темы. Иногда приходил пожилой человек, называвший себя рабочим, который рассказывал о жизни московского пролетариата, о всеобщем недовольстве правительством и самим царем. Перед отъездом Павла в Мелекесс он вручил ему стопку книг, про которые сказал, что все они запрещенные.

- Если же ты,- добавил он, глядя на Павла,- прочтешь их, то о многом узнаешь и будешь смотреть на мир другими глазами. И вся твоя жизнь может перевернуться и пойти по другому руслу.

***

С сестрой Павел встретился у самого порога своего дома. Едва он постучал в дверь, как она тут же отворилась, он увидел Анюту одетой, готовой к выходу, с замком в одной руке и узелком в другой. Она шла на работу. При виде брата, ее лицо мгновенно засияло от радости. Продолжая удерживать в руках и узелок, и замок. она обхватила Павла за шею, прижалась к нему своей щекой. Брат тут же ощутил на своем лице ее слезы.

- Братец, родной, приехал.- выговаривала она смеясь и плача от радости встречи, еще крепче прижимаясь к нему.- Господи, какое счастье.

- Как видишь, приехал,- ответил Павел, обнимая сестру.

Немного успокоившись, Анюта выпустила его из своих объятий и продолжила:

- Ну, пойдем, пойдем в дом. Что же мы тут стоим? Проходи, будь хозяином,- и, войдя в дом: - Ты уж тут без меня сам управляйся. Что найдешь, то и поешь. Хлеб вот тут. Щи в печи, каша тоже. А я побегу. Приду вечером.- Она посмотрела на брата так, будто провинилась в чем-то перед ним, улыбнулась и добавила: - Ты уж прости меня, не дай Бог опоздать!

- Ну беги, беги, сестричка. Вечером тебя жду.

Как и всякому человеку, прибывшему после долгой отлучки в родные края, да еще в такое суровое время, Павлу захотелось узнать сразу обо всем: как и чем живет его посад, как он переживает войну, что изменилось за год в его судьбе, его сверстников, кто из них ушел на фронт, есть ли среди них погибшие, как работают здесь - в тылу земляки, ведь скоро и ему придется подыскать себе должность. В армию его не возьмут, комиссия выбраковала, как непригодную к строевой службе лошадь, из-за сильного плоскостопия, - так горько шутил он о самом себе. В то же время, за всеми этими мыслями о делах чисто житейских у него витала где-то мыслишка совсем иного порядка. Хотелось ему узнать как живет в посаде работный люд, как настроены, есть ли здесь хоть один кружок наподобие того, какой он посещал в Москве. Не выходили из ума и привезенные из столицы запретные книги. Ведь ни одну из них он еще не видел. А сказано было о них много.

Забыв про усталость, он решил познакомиться с этими книгами. Взял первую, прочитал название: "Коммунистический манифест". Разулся, снял верхнюю одежду и, полулежа на посте-

ли, открыл первую страницу. Сразу повеяло чем-то интригующим, торжественным: "Призрак коммунизма бродит по Европе". Закончив всю книгу буквально на одном дыхании, без перерыва, он захлопнул ее, вытянулся в кровати во всю длину и задумался. В голове кружился целый рой мыслей. Но все сводилось к одному: мир устроен несправедливо, надо все изменить. "Да,- подумал Павел.- Прав был тот мужик, когда говорил, что одна такая книга может свернуть мозги набекрень и переменить всю жизнь. Что же теперь со мною будет?"

***

Неожиданно раздался стук в дверь. Павел, словно застигнутый на месте преступления злодей, вскочил с кровати, спрятал наспех книги, одел брюки и, выйдя в сени спросил:

- Кто?

- Это я, Вася, - ответил знакомый голос.Открыв дверь, Павел увидел бывшего одноклассника Васю Куркова.

- Ну здоров будешь, москвич. С приездом,- приветствовал он друга.

- Работаешь?- спросил Павел, когда они вошли в дом.

- Без этого нельзя. Живо забреют. По мельничному делу мастер.

- Как живешь-можешь, дружище? Рассказывай. Не женился?

- Какая женитьба? Сам понимаешь, война. Сегодня женишься, а завтра тебя не будет. Оставишь вдову, а то ишшо и сироту.

- Многие из мелекесских погибли?

- Про всех не скажу. А из знакомых, поди, на каждого пятого или шестого похоронка пришла или же пропал без вести.

- Тебя не трогают?

- Пока нет, говорят, тут я нужней. Без хлеба солдат тоже не солдат.

- Как тут у вас, спокойно? Не бунтуете?

- Пока все путем. Рази что у соседей...

- Это у Анюты?

- У ней. Будет, пожалуй, заваруха. Заводной у них там объявился. Слесарь по жестяному, Пискалов. Нашенский. Будто бы раненым или контуженным с войны пришел. Кое-кто из работяг и прислушиваться к нему начал.

- Как ты назвал его, Пискалов?

- Пискалов, Яков.

- Молодой.

- Уже в годах. Лет под тридцать пять, а то и поболее. Суровый мужик. Но добро, Павлуха. Повидались. Пойду-ка я. Надеюсь, ты надолго?

- В Москву больше не поеду. Пока буду дома. Захаживай.

- Забегай и ты.

Поговорив еще немного, они расстались.

***

Поздно вечером вернулась с работы Анюта.

- Сумерничаешь?- спросила она брата, зажигая керосиновую лампу.

- Жду тебя, сестричка.

- Не замер тут без меня?

- При таких-то харчах? Все было хорошо. Не хватало только тебя.

- Я тоже с трудом дождалась конца смены. Но ничо, завтра суббота, работаем только до обеда. А теперь давай ужинать.

Она умылась, наскоро собрала на стол.

Павел заметил, что сестра пришла с работы чем-то взволнованная. Обычно ровная и спокойная, она совсем не была похожа на ту Анюту, которую он хорошо знал. Когда поели, решил спросить:

- Ты что-то не в духе, сестрица. Что-нибудь стряслось?

- Стряслось-не стряслось, а день был не как все,- ответила она.

- Может, поделишься?

- Сама хотела поговорить с тобою. Ты все-таки грамотный, жил в Москве, больше мого понимаешь. А что я? Обыкновенна баба.

- А если без этого?

- А без этого то, что на фабрике у нас началось что-то неладное. Жили и работали тихо-мирно, как все нормальны люди. С хозяином ладили, заработок получали вовремя. И заработок у нас, ну как тебе сказать, словом, грех жаловаться. Жить можно. Но нашлись смутьяны. Им такая жизнь не по душе. Захотели чего-то большего.

- Тебя это трогает?

- Как не трогат? Всех повыгоняют, наберут новых. Куда пойдешь? С голодухи все перемрем. А хозяин у нас неплохой. Всем бы таких.

- А смутьяны, как ты их назвала, они откуда, ваши?

- Наши, фабричны. Отколь же им взяться?

- По сколько часов вы работаете?

- Часов у нас нету. Ну - от гудка до гудка.

- И вы довольны?

- Не все. Особенно детные. Но куда денесси? Война.

- А до войны вы по сколько работали?

- Стары ткачихи говорили, что поменьше, кажись на час.

- И мешков делали меньше?

- И про это слыхала.

- А заработок какой был?

- Говорили, будто такой жа...

- Так что же получается?- подвел итог Павел.- Работали меньше, а получали столько же. Так?

- Похоже что так,- с запинкой ответила Анюта. - Только мешки эти его, а не наши.

- Пусть будет так. Но сделаны-то они вашими руками. Выходит, что война вашему хозяину на руку?

- Может, и так, - с видимым трудом согласилась сестра.

- Так кто же в таком случае прав, ваш хозяин или смутьяны?

- Да пойми же,- с горячностью возражала сестра,- он хозяин! Вся фабрика до последней железки его. Он что захочет, то с нами и сделат. Повыгонят всех до единого, тогда по-другому заговоришь.

- Вот тут ты, сестричка, ошибаешься.

- Это я ошибаюс?- удивленно и с полной уверенностью своей правоты возразила Анюта, глядя на брата так, будто он ничего

не смыслит или просто шутит.- Кто ему указ? Он сам себе голова.

- Послушай меня, милая. Выгнать он может одного-двух, ну, скажем, десяток. Всех выгнать не решится. В один день замену не найдет. Так что ваш Алексеев скорее утопится в пруду, чем отважится на такое. Он с вами мертвым узлом связан. Поняла?

- Понять-то, может, и поняла, да что в том проку-то?

- А какой прок ты ищешь, если ты своей работой и заработком довольна? Если же вы своими условиями недовольны, то этих смутьянов надо вам поддерживать. Всех вас хозяин не одолеет. По одному же переломает всех. Заруби это себе на носу и ничего не бойся.

- А если эти смутьяны его разорят? Что тогда?- Не сдавалась Анюта.- Тогда он поневоле прикроет фабрику, а нас всех выставит.

- Об этом тем более не беспокойся. Такого еще не бывало.

Анюта опустила голову, задумалась. Услышать такое от родного брата она никак не ожидала.

***

Не прошло и недели после возвращения Павла в Мелекесс, как на фабрике Алексеева произошло событие, о котором заговорили не только работники мануфактуры. Говорили как о чем-то необычном. Вернувшись с работы с большим опозданием против обычного, почти в полночь, Анюта рассказала:

- Ой, Павлуша, что-то теперь с нами будет? Если бы ты знал, что у нас случилось. Говорят, вчерась слесарь Яшка Пискалов подговорил своих дружков, и они всей ватагой ворвались в контору когда там был хозяин и затребовали с него повысить заработок.

- И чем же все это закончилось? Он вызвал полицию и их забрали?

- В том-то и дело, что нет. Никакой полиции он не вызывал. Сначала хозяин уперся, а потом согласился. И им будто добавили.

- Прибавили, ну и хорошо. А чем ты расстроена? Ложись спать.

- Какой тут сон, Павлуша? Ты подумай только, что с нами будет? Боюсь я. Останусь без работы - пропаду. Одним огородом не прожить.

- А ты прежде смерти не умирай. Не одна ты такая. Другим много хуже. Помни, что я тебе говорил. А чтобы у тебя голова не болела, знай, я тоже скоро пойду работать. Как-нибудь проживем. Спи.

- Я тебе не все ишшо сказала. И наши поговаривают о прибавке.

- Ткачихи?

- А кто ж? Есть у нас одна такая, Миюсова Мария. Уже в годах. За нею будто бы и раньше водились грешки. Заводная она кака-то. Все ей не так. А сегодня начала кое-кого подбивать. И Пискалов заявлялся к нам неспроста. У наших станов постоял для виду, а потом к Миюсовой. Долго там копался. Будто что-то делал, а сам все с Марией шептался. Я подумала, опять что-то затеват. Так и вышло. Приходил он ишшо до обеда, а ближе к вечеру эта Мария подходила к своим подружкам и го-

ворила, что ткачихи - трудяги, как и слесари, почему б и нам не заявить о своих правах хозяину? А какие у нас права? Трудись и сопи в две дырки, и моли Бога, штоб не выгнали.

- Трусиха ты у меня, сестричка. Всего-то ты боишься. В кого ты только уродилась? У нас в роду таких кажется и не было.

- Я буду первая,- смеясь, ответила Анюта.

- Нет, сестричка, так нельзя.

- А как надо?

- Не надо обижаться на эту Марию. Она же за всех вас идет.

- А ее никто не просит.

- Ну нет, сестричка. Если все будут так рассуждать, хозяин всех вас согнет в бараний рог. Ты мало знаешь. Есть даже целые организации, которые отстаивают интересы пролетариата всей земли.

- А кто такой пролетариат?

- Это вот такие как ты. Не имеют за душой ничего кроме пары рук. Я привез несколько книжек на этот счет. Дам тебе почитать. Только, чур, не проговорись. Они запретные.

- Ой, Паша, доиграмся мы с тобою!

***

Работа в этот день у Анюты не ладилась. Капризничал стан. Неизвестно почему рвались нити. На вытканном полотне появлялись неровности и петли. Два раза приходил слесарь, налаживал. Но стоило ему отойти, как все повторялось. Кое-как дотянув до обеда, села к своему скромному узелку. Перекусила и тут же задремала. В забытьи, сквозь дремоту, она услышала исходившую откуда-то тоскливую заунывную песню. Пели женские голоса. От этой песни ей стало нестерпимо больно. С трудом открыв глаза, увидела ткачих. Они сидели, сгрудившись кучкой, и пели. Среди них была и Миюсова. Но вот песня закончилась. Выждав некоторое время, Миюсова встала и, обведя женщин ободряющим взглядом, предложила:

- Как, подруги, идем?

Она сделала шаг-другой, стараясь увлечь за собой ткачих. Несколько женщин пошли следом, подбадривая и подталкивая друг дружку под спины руками. Постепенно в шествие включилось большинство. Медленно, словно на пытку, последовала за ними и Анюта...

Вернулась Анюта домой несколько раньше обычного. Трудно было не заметить на ее лице какую-то особенную улыбку. Смотрела она на брата так, как обычно смотрит ребенок, сделавший несколько первых самостоятельных шагов.

- Что-то рановато сегодня, сестрица?- встретил ее вопросом брат.

- Ой, Павлуш, если б ты знал, что было у нас сегодня!- начала она, снимая у порога рабочие башмаки.

- Я весь - внимание, слушаю.

- Сегодня прибавили заработок и уменьшили смену.

- Невероятно! Ну, рассказывай.

- По правде, я не знаю даже что тебе и сказать. Многие ткачихи пошли к хозяину. Впереди Мария. Я не помню даже, што она ему говорила, я была в самом хвосте. На каждый рубль нашего заработка он прибавляет по гривеннику и уменьшает рабочий день на час. Кроме субботы.

***

Анюта ожидала, что Миюсова после своего успеха загордится перед ткачихами, станет задирать нос. Но этого не произошло. Напротив, вела она себя сдержанно, будто никаких ее заслуг в происшедшем не было. Лишь повторяла, что ей одной ничего бы не сделать, заслуга в этом принадлежит всем. "Только сообща,- убеждала она женщин,- мы можем чего-то добиться. Говорите "спасибо" и слесарям, за их почин".

Незаметно для себя стала по-иному смотреть на мир и Анюта. Происшедшее оставило в ее сознании неизгладимую зарубку. Было похоже, что после пережитого в тот час она начала перебарывать живший в ее сердце вечный страх. Она уже не осуждала как прежде Миюсову. Наоборот, считала, что все работницы должны не только поддерживать ее, но и брать пример.

Сознание того, что в решающую минуту, когда надо было сделать выбор - пойти ли с ткачихами к хозяину или остаться и отсидеться у стана, она все-таки пошла со всеми, здорово возвышало ее в собственных глазах.

По Мелекессу прокатился неприятный слух, будто русская армия на фронте терпела одно поражение за другим. Во всем обвиняли государя императора Николая Второго, взявшего на себя обязанности верховного. Но главным виновником, а точнее виновницей называли императрицу Александру Федоровну, немку, открыто называя ее немецкой шпионкой и предательницей интересов России. Вместе с нею называли и проходимца Гришку Распутина, любовника императрицы, будто бы вносившего сумятицу в умы членов царской семьи.

Словно в подтверждение этих слухов, ближе к осени в посад привезли большую партию раненых. В посаде не хватало для них мест в госпитале, не хватало врачей, медицинских сестер, сиделок, лекарств и бинтов. Голова посада обратился к молодым особам проявить милосердие к защитникам отечества, пострадавшим на фронте за общее дело и принять личное участие в уходе за ранеными. Многие на этот призыв откликнулись. Среди них была и Анюта.

***

В ближайшее воскресенье, одев темное платье с белым передником и повязав голову белым платком, взяв с собою узелок с гостинцами, она пошла в госпиталь. По пути зашла в церковь, всплакнула, помянув безвременно ушедших из жизни свою мать, отца и мужа. Шла она туда не только, чтобы помочь раненым. Была у нее тайная мысль, которой она ни с км не делилась, но лелеяла, как последнюю надежду: а вдруг хоть что-нибудь да услышит от этих людей о своем Андрее или что про отца. Фронт, говорят велик, да люди там часто сходятся. И не про всех правду описывают. С такими мыслями подошла она к госпиталю утром, а вернулась домой аж поздно вечером.

Оставшись один, Павел, справив немудреные домашние дела, взялся за очередную запретную книгу. Открыв обложку, обнаружил под ней несколько листков, видимо припрятанных Анютой. Это были прокламации. Вот на одной из них нарисован солдат, направивший штык в брюхо лощеного господина. Под

ним надпись: "Царское правительство". Снизу призыв: "Товарищи солдаты! Повернем штыки против врагов собственного народа!" На другом листке тоже призыв: "Солдаты и матросы! Остановим мировую бойню! Штыки в землю!" Под надписью справа российский солдат в ботинках с обмотками, слева - немецкий в сапогах и каске. Они протягивают друг другу руки через заграждение из колючей проволоки. У обоих штыки воткнуты в землю. Еще один листок с рисунком без слов. Вдали грохочет война. А на переднем плане изображено что-то вроде фабрики. Из ее ворот текут ручьем монеты. Они сами бегут в раскрытый мешок, который держит с довольным видом упитанный господин.

Разглядывая эти нехитрые листки, Павел разводил руками: ведь это же истинная правда. Его занятие прервал стук в дверь. Это пришла Анюта. Едва переступив порог, она тяжело опустилась на табурет. Только теперь она почувствовала невероятную усталость. Целый день, проведенный на ногах, среди раненых, в непрестанном напряжении, без еды и питья вконец измотал ее. Она долго сидела молча и глядя в угол комнаты словно в пустоту. Павел ее не беспокоил, понимая, что надо дать ей время отдышаться. Он сам собрал на стол и пригласил сестру. Когда поели, он спросил ее с явным сочувствием:

- Умоталась?

- Это же какой-то ужас, Павел. И во сне такого не привидится.

- А ты не подумала там, за что и за кого они пострадали?

- Там некогда было думать, надо было им помогать. Кто без ноги, кто без руки. У одного обе руки замотаны так, что не может даже ложку держать. Пришлось кормить его самой. И одни молодые ребята. Как они будут жить? А ты бы глянул кому в глаза. Он же все понимат. Понимат, что это на всю жизнь. Кому будут нужны такие калеки? Разве только матерям. Жены и то не все таких примут. А если который не женат? Что у него впереди?

Она ненадолго умолкла, потом, словно спохватившись, посмотрела на брата, совсем по-иному и совершенно другим тоном спросила:

- Ну а ты как день без меня провел? Чем занимался?

- Мои дела тебе известны, кухарил, кое-что читал.- Он подал ей три листка-прокламации.- Вот, посмотри, в книге оказались.

Анюта взглянула на листки, принялась разглаживать, откладывала... Наконец тихо, словно для самой себя прошептала:

- Дура я, Паша. Ох и дура!

Павлу невольно подумалось, что это короткой уничижительной репликой сестра подводила итог пережитому и передуманному за все свои годы, и этот день может стать знаменательной вехой в ее жизни.

***

Павлу надоело безделье и он начал поговаривать о работе.

- Погоди хоть пока картошку уберем, а там видать будет,- предложила сестра.

Так они и решили. В следующее воскресенье принялись за дело. Ближе к полудню Павлу послышался непонятный стук в

доме. Он прислушался, пошел во двор. Так и есть: кто-то колотит снаружи. Открыл дверь, увидел пожилого человека. В левой руке тот держал пачку каких-то бумажек, в правой - небольшую палку, которой, видимо и колотил в дверь.

- Ты чо, парень, не открываешь?- спросил с укоризной человек.

- А ты кто такой и что тебе надо?- в свою очередь спросил Павел.

- Ты Федотов Павел Прохорович будешь?- услышал от него Павел.

- Ну и что?

- А коли ты, то на вот, распишись и забирай свою повестку.

- Чего-чего?

- Повестку, говорю. Вестовой я из призывного. Велено тебе явиться.

- Вы там не заблудились? У меня же белый билет.

- Это прежде было, а сейчас война, милый человек. Она и без ножниц головы снимает. Теперь и с белым, и с черным всех подбирают. Война.

- Ну и дед. Ты похуже ничего не мог принести?

- Чем уж богаты,- развел дед в стороны свои жилистые руки.- Меду у меня у самого нету, а этой напасти - во-о!- Потряс он левой рукой, в которой держал кучу повесток.- Смотри, парень, не опаздывай.

"Вот и наработался",- только подумал о себе Павел. Подойдя же к сестре произнес словно приговор самому себе:

- Больше я тараканов не пасу, сестричка. Вот,- и он подал ей повестку.

Чем-то зловещим отдавала маленькая бумажка. От нехорошего предчувствия екнуло сердце. С тревогой в голосе спросила:

- Что?

- Повестка,- тихо ответил брат.

- Куда? В участок? Что ты успел натворить?

- Я до этого еще не дошел. В призывной участок, на комиссию.

- Что?! Что ты сказал? Ну-к повтори!

- В призывной участок, на комиссию.

Анюта дико посмотрела вокруг себя, потом закричала:

- Тебя призывают?! Да они там все с ума посходили!- подбежав к брату, она ухватила его за рукав и закричала еще пуще:
- Не отдам! Тебя я им не отдам! Отца убили, мужа убили, ишшо им мало. Не отдам! Господи, за что мне тако наказание?

Павел пытался ее успокоить, но тщетно. Анюта опустилась на землю и, обхватив свою голову запачканными землей руками, горько и безутешно заплакала. С большим трудом удалось ее успокоить и отвести в дом. Брат как мог убеждал ее, говорил, что произошла какая-то ошибка. Если же его призовут, то на фронт не пошлют, в строевой части он служить не может.

- Ты пойми, я быстро ходить не могу. А на фронте надо не только ходить, но и бегать, да еще с грузом. Я на фронте буду только помехой...

В назначенный день и час Павел прибыл на участок. У него сразу отобрали белый билет и объявили, что он мобилизован в армию. Как непригодного к строевой службе, его определили

во вновь сформированный караульный взвод по охране военных грузов, идущих через станцию Мелекесс. Его одели и обули во все старенькое, ветхое обмундирование, выдали на две недели солдатский паек. За неимением казармы для этого взвода, им разрешили жить по своим домам.

В ожидании Анюты он оделся в солдатскую робу, посмотрел на себя в зеркальце и не сразу узнал себя. Сестра вернулась с работы уже в сумерки. Весь день она провела в тревоге за брата. Домой торопилась с затаенной тревогой. Когда вошла в дом, Павел сидел за столом. Она долго смотрела на него, потом позвала:

- Павлуш, ты дома?

- Что тебе?- повернулся к ней брат.

- Господи! Эт ты? А я гляжу и не пойму, что за солдат у нас.

Она подбежала к нему, обхватила руками за шею, долго молча прижималась к нему, не веря, что это и есть ее брат.

- Ну и куда тебя?- спросила она, освобождая из своих объятий.

- Не волнуйся, сестричка, служить буду здесь, в посаде. Принимай паек, выдали на целые две недели.

- Вот и хорошо. Теперь-то мы точно не помрем с тобою.

- А ты что, боишься за себя?

- Боюсь, Павлуш,- призналась она.- Седни с мастером поцапалась.

- Ты?- удивился брат.

- Больно придирчив он стал. И все-то ни за что цеплятся.

- Ну и поделом ему. Только не бойся ничего. Давай ужинать.

***

Павел все реже появлялся дома. Не хватало караульных, приходилось заступать в чужие смены. При каждой встрече сестра и брат делились новостями. В один из таких вечеров они вели обычный разговор обо всем и ни о чем. Незаметно Анюта стала говорить о себе.

- Знаешь, Паш,- начала она,- со мною что-то непонятное стало твориться. Я сама себя не узнаю. Зла я стала кака-то. На фабрике каждой шавке надо кланяться, лишнего не скажи. Раньше я об этом как-то не думала, а как подумашь, сама готова в руки ружье взять.

- Откуда это у тебя?

- Не знаю. Может, от фабричных.

- От Пискалова?

- Может и от него. И от Марии тоже. С Марией Миюсовой я даже будто сошлась. Понимаю ее и стараюсь поддерживать. И Пискалова понимаю. Люди они хорошие, учат уму-разуму. И не только меня.

- Если не секрет, что они тебе втолковывают?

- У них одно на уме: взять власть, буржуев уничтожить, а все их добро отобрать и разделить по бедным. Ох, как и мне дело это по душе!

- А за что же их уничтожать? В чем буржуи провинились?

- Как, в чем? Они ж все в свои руки заграбастали. А мы прислуживам, как овцы.

- Это не дело, сестрица. Много невинных может пострадать.

А куда эти большевики денут, скажем, вашу фабрику? Как они будут ее делить?

- За буржуев я не переживаю, туда им и дорога. А фабрику, как говорит Пискалов, намерены сделать общей. И то мне по душе!

- Больно круто берут большевики. Если ликвидировать буржуев, как предлагает Пискалов, без суда, то это будет обычное убийство. А за это во всех странах, в том числе и в нашей России судят и сажают в тюрьму.

- Ты что-то сам не то говоришь. Об этом же даже в твоей книжице писано. Вот она - "Коммунистический манифест",- Анюта достала ее из-под подушки и подала брату.

- Ты и ее прочла?- изумился Павел.

- Одолела, братец. От корочки до корочки.

- Вот это да-а-а,- протянул Павел, не находя подходящего слова.

- И самого главного я тебе не сказала,- задумчиво произнесла сестра,- Мария и Пискалов доверили мне свою большу тайну. Они большевики, у них есть ячейка. И меня записали в нее как сочувствующу.

- Насчет ячейки я и раньше слыхал, а вот про тебя не знал. Что такое сочувствующая? В чем и кому ты должна сочувствовать?

- Как тебе сказать?- подбирала она слова.- Они будут давать мне разны дела, а я должна им верить и помогать. Яков Егорович сказал. что это будет мне проверка. И я на все готова после того, что в конторе у хозяина было, да после госпитальных страхов и крови.

- Я тебе не судья, сестра, но помни, что это очень и очень опасно.

- Об этом мне говорили. Да вот после смерти папы и мамы да мужа, - бояться боле нечего, отбоялись!

Ячейка отнимала у Анюты все свободное время. Она совсем отбилась от дому, ожесточилась, затвердела душой, все заботы по хозяйству вынужден был взять на себя брат.

В один из вечеров она вернулась домой особенно поздно. Павел забеспокоился, решил пойти на розыски. Но где ее искать? Решил подождать. А сестра тем временем возвращалась домой не обычным путем, шла крадучись, переулками и пустырями. Она постучала в дверь. Стук был тихий, вкрадчивый, словно скреблась, просясь домой, набегавшаяся по чужим задворкам кошка. Павел открыл засов и впустил сестру. В тусклом свете керосиновой лампы взгляд ее показался необычным, возбужденным и в то же время устремленным куда-то вдаль. Создавалось впечатление, что она продолжала о чем-то озабоченно размышлять.

- Долгонько, долгонько, сестрица. Я, признаться, уже забеспокоился, хотел идти на розыск. Срочный заказ был?- спросил Павел.

- Ты все равно не нашел бы меня. Я от тебя ничо не скрывала и не буду скрывать. Я была на тайной сходке. У нас это зовется собраньем.

- Давай я тебя буду кормить, а ты меня потихоньку посвятишь в то, что у вас было, если это, конечно, не тайна.

- Вперемежку с едой Анюта рассказывала:

- Ближе к вечеру Мария мне шепнула, что она приглашает меня на собранье. Шли мы туда вдвоем с нею, когда было уж темно. Собралось там человек девять или десять, все наши, фабричные. Правил всем Пискалов.

- И о чем же там шел разговор?

- Яков Егорович говорил, что народ на все озлоблен и может подняться против властей и самого царя. Мы должны быть готовыми. Он сказал, что рабочие и солдаты скоро заберут всю власть. Но нам, большевикам, не надо упускать того случая и власть взять самим. Поэтому, в случае какой заварухи, чтоб мы не сидели сложа руки, а действовали сообща. Тогда и каждому из нас больше дела найдется.

- А ты чем должна заниматься в этом случае?

- Я тебе об этом раньше говорила. Уничтожать буржуев и всех несогласных с большевиками. Потому что большевики самые правильны и стоят за народ.

- И ты так думаешь, что большевики стоят за народ?

- Ты бы их послушал и тоже бы так думал.

- Я большевиков мало знаю, сестричка, но много читал. Если кто захочет взять власть, он всегда говорит, что стоит за народ. Так было и так будет всегда. Но в истории всего человечества не было ни одного случая, чтобы эти обещания были когда-либо выполнены. И народ всегда оставался обманутым. Как только власть завоевывалась, об этих обещаниях тут же все забывали. Ты мне можешь не поверить, говорю тебе, чтобы ты все-таки об этом знала.

- А я тебе и так не верю. Не наговаривай напраслины. Что Яков Егорович, что Мария -это золотые люди. Посмотри, как они о людях заботятся.

- Рассудить нас с тобою, сестричка, может только время.

- Ты с чего начинаешь глупить, братец?

- Что уж Бог послал, то и имею.

- Жаль тебя. Видно, не пришлось тебе встретиться с такими правильными людьми, как мне.

- А я и рад за тебя. Только помни, во всем должна быть справедливость, и в отношении буржуев тоже.

***

В первых числах марта 1917 года в Мелекесс пришло ошеломляющее известие. Телеграф сообщил, что самодержец всея России, государь император Николай II отрекся от престола, и вся власть в стране перешла в руки Временного правительства. Весть распространилась с быстротой молнии.

Первыми отреагировали на такое известие члены посадской Думы. Собравшись в Народном доме, они после немногословного обсуждения выразили Временному правительству свою безоговорочную поддержку, о чем незамедлительно телеграфировали в столицу.

Насмерть перепуганные обыватели поголовно высыпали из своих домишек, надеясь получить ответы на множество казавшихся неразрешимыми вопросов. Слишком уж было все так неожиданно и так ново. Веками люди жили под царями и вдруг такое! На Руси такого не бывало, чтобы царь сам отказывался от власти. А потом эта народная власть. Разве может власть быть народной? Чушь собачья, да и только.Тут же находились и

знатоки, называвшие себя эсерами, кадетами, трудовиками, меньшевиками и прочими мудреными словами, утверждавшие, что только они знают решительно все, и только их партия способна дать людям всеобщее благоденствие. Постепенно в посаде образовалось несколько больших скоплений людей, где митинговали до самой ночи. Там уже не говорили, а орали - до хрипоты.

На заводах, фабриках, мастерских тоже всеобщее волнение. Яков Пискалов решил, что настал тот час. Вместе со своими соратниками он организовал на фабрике митинг. Сам прошел в фабричную котельную и своей рукой потянул рычаг фабричного гудка. Кочегару надоело слушать нескончаемую заунывную песню. Он приблизился к Пискалову и прокричал, стараясь пересилить рев гудка:

- Ну, будя дурачиться! Чего народ баламутишь? Хватит, говорю.

Пискалов с трудом оторвался от рычага, кинул в сторону кочегара:

- Эх ты, копчена голова. Ничего-то ты не смыслишь.

Гудок растревожил фабрику. Вскоре фабричный двор был заполнен людьми. А они все подходили. Всем места не хватило. Кое-кому пришлось выйти за фабричные ворота на примыкавшую Старозаводскую улицу. Появились и ораторы. Первым выступил Яков Пискалов.

- Граждане России! Товарищи!- начал он свою речь.- Триста лет Романовы угнетали свой народ, грабили и убивали на бесчисленных войнах. Народ не раз подымался против Романовых. И, наконец, свершилось! У нас нет Романовых, нет монархии и ее тирании. От имени нашей партийной ячейки большевиков поздравляю всех вас с этим знаменательным событием.

Говорил он долго. В конце речи призвал сознательных рабочих вступать в ячейку большевиков, которая ставит своей задачей завоевание рабочими политической власти. После этих слов кто-то из толпы крикнул:

- А на кой ляд нам эта власть? Нам бы хлебова побольше,- чем вызвал общий смех.

Выступали там ораторы и от других партий.

Стоявшая поблизости Анюта ловила каждое произнесенное слово, стараясь все понять и решила про себя, что самые правильные слова говорили большевики. Она тоже заболела ораторским зудом. Вот если бы люди послушали ее, уж она-то смогла бы разъяснить им все так, что сразу бы все и всем стало ясно. И ни у кого не осталось бы никаких сомнений. И никаких других партий кроме большевиков никто бы из них не пожелал. Но у нее не хватило для этого духу, и ей пришлось от своих намерений отказаться.

По окончании митинга кто-то предложил пойти всем скопом по посаду. Сразу образовалось несколько кучек. Во главе каждой были те же самые ораторы, из разных партий. Выйдя на Старозаводскую, подались в сторону Никольской площади.

Самая жиденькая колонна оказалась у большевиков. За Пискаловым пошли человек двадцать или чуть больше. Но это их не смущало, они были уверены, что будущее за ними. Миюсова взяла Анюту за руку, и они пошли рядом. До поздней ночи основательно продрогшие и проголодавшиеся, но безмерно счас-

тливые люди ходили по посаду. Встречаясь с такими же толпами, они иногда останавливались, разговаривали, пели песни - какие пели в праздники за общим столом. Разошлись, когда на востоке начала алеть утренняя заря. Перед этим условились: завтра не работаем, снова будем митинговать.

Домой Анюта летела словно на крыльях. Павла не было. Она съела кусок хлеба, запила кружкой холодной воды и легла в постель. Долго лежала с открытыми глазами, мысленно возвращаясь к происшедшему в этот день. Спать не хотелось. Ее сердце рвалось туда, где кипели страсти.

- Ты почему не спишь?- спросил пришедший брат.- Только с работы?

- Ой, Паша!- воскликнула она.- Какая работа! Что творится! Теперь мы не просто рабочие, а равноправные граждане России. Ты представляешь?!

- Я все представляю, моя милая, и радуюсь этому. Но я очень хочу спать, целые сутки был на ногах. И хоть что-нибудь перекусить.

Анюта была раздосадована. О чем он говорит? Разве в такое время можно спать? Она встала, накормила брата, поела с ним сама и пошла на фабрику. Идя по утреннему морозному посаду, она впервые в жизни подумала с какой-то неприязнью о брате. Ей было очень обидно за то, что он не понял ее чувств и не разделил с нею радости. В ее душу закралось недоброе сомнение: уж не записался ли Павел в какую враждебную ей ячейку? Ведь совсем недавно он так плохо говорил с нею о большевиках.

Все последующие летние и осенние месяцы Анюта жила словно в лихорадке. Она успевала работать на фабрике, навещать раненых в госпитале, ходила на митинги и даже выступала на них. На митингах она с жаром доказывала свою большевистскую правду, кричала до хрипоты, призывая слушателей под свои знамена. Однако, ее страстные речи воспринимались с явным равнодушием, непочтительностью, а то и с откровенной издевкой. Были случаи, когда ее просто изгоняли, не выслушав до конца. Но это Анюту не смущало. Напротив, это лишь подхлестывало ее самолюбие, и она, словно боевой конь, закусивший удила, рвалась в новую схватку.

Задания ячейки сыпались на нее словно из рога изобилия. Сбылась и ее заветная мечта: ее невероятная активность и преданность делу большевиков были по достоинству оценены: ее приняли в партию большевиков.

Глядя на сестру при редких встречах с нею, Павел недоумевал: откуда только у нее берутся силы? Ведь кожа да кости - вот, собственно, и все, что осталось от прежней Анюты. Однажды он не удержался, заметил ей:

- Стоит ли так убиваться, сестричка? Ведь за это денег не платят?

Анюта строго глянула на него и совершенно серьезно ответила:

- Обстановка требует полного напряжения сил. Тебе пора это понять.

"Ну и сестричка,- подумал Павел.- И слова-то какие! Нахваталась, ничего не скажешь. А каков тон? Вот - это большевичка".

Он подвел сестру к зеркалу и предложил:

- Посмотри на себя. На кого ты стала похожа?

Анюта глянула в помутневшее стеклышко, увидела собственное отражение, на мгновение смутилась. Сдержанно ответила:

- Не могу я, Павлуш, иначе поступать. Я по своей воле впряглась в эту лямку и назад не поворочу. Нас еще мало, каждый должен успевать за десятерых. А кругом столько врагов...

- Но во имя чего такие жертвы? И о каких врагах ты говоришь?

- Все, что я делаю, это ради нашей победы. Правда все равно на нашей стороне. А за мои кости не переживай. Возьмем власть - наживем и мясо.- и, повернувшись к брату, продолжила:- Ты бы о себе лучше подумал.

- Это о чем же?

- Как о чем? Когда мы возьмем власть, где ты окажешься?

- Я вроде никому не мешаю.

- Э, нет, братец. Знаешь, как у вас говорят? Кто не с нами, тот наш враг. Подумай хорошенько.

- И ты так считаешь?- спросил он и выжидающе впился в нее глазами.

Анюта на мгновение замялась, потом тихо, но твердо ответила:

- Я полноправный член ячейки и должна думать и делать так, как мне велят.

- Хорошо, сестричка. Я учту твой совет. Но прежде скажи, какой ты полноправный член, если ты должна думать и делать так, как тебе велят? Тут равноправием и не пахнет.

Анюта глянула на него так, что Павел сразу понял: отныне он для нее самый злейший враг. Она же, скривив губы, процедила:

- Да ты самый худший из смутьянов. Уходи с моих глаз. Не то...- она не договорила, но этого и не требовалось, все было ясно без слов.

Через несколько дней Павла по его рапорту направили в действующую армию. Сестре он оставил записку, не упомянув в ней, однако, что его отъезд был добровольным. Разлукой с ним Анюта была более чем довольна.

***

Вскоре в посаде была провозглашена Советская власть. Следом за этим событием, как и по всей России, в посаде была создана местная ЧК. В числе первых чекистов была и Анюта.

Служба в ЧК была для нее верхом собственной мечты. Отрабатывала она оказанное ей доверие партии безукоризненно. По примеру своих соратников она раздобыла кожаную тужурку, обвесила себя ремнями. Неразлучными ее спутниками стали ее "революционная совесть" и наган. С верой в свое правое дело летала она железной птицей по посаду и его окрестностям, вершила суд над теми, кого считала своими врагами.

***

Павел до фронта не доехал. Их поезд застрял в Симбирске. Новая власть распорядилась им по-своему. Всех новобранцев, скопившихся на станции, свели в большой пакгауз, поименно переписали, разбили повзводно, назначили кандидатов и вы-

дали каждому по винтовке.

Когда выяснилось, что Павел к строевой службе не годится, его назначили ветеринаром полка. Должность ветеринара он занимал чисто формально. Лошадей на войне не лечили. Вся его обязанность по этой части сводилась к тому, чтобы выявлять случаи заразных заболеваний, могущих привести к массовому падежу. Таких лошадей немедленно забивали и по-возможности закапывали. Занимался он не только и не столько лошадьми. За год службы в полку не раз хаживал в трудную минуту с шашкой наголо и в атаку. Ходил и в разведку. Но особенно полюбилась ему тачанка. Вначале он только правил лошадьми, но после пристрастился к пулемету. С ним он так освоился, что это стало его главным делом.

Его храбрость и умение воевать были отмечены командиром, который наградил его трофейным браунингом. А чтобы ни у кого не было сомнения, полковой мастер выгравировал на его рукоятке дарственную надпись.

Подвела его шальная пуля, раздробившая ему плечевую кость левой руки. Он оказался в лазарете. Но не лежалось ему в казенном доме. Убедившись, что гангрена ему не угрожает, он отпросился на долечивание в посад. Так со справкой в одном кармане, браунингом в другом, подвязанной рукой и тощим солдатским мешком, в старенькой солдатской шинелишке вернулся он домой.

Дом Павла оказался на замке. Пошарив здоровой рукой на привычном месте, ключа он не нашел. Надо искать Анюту. Но где? Соседка подсказала, что сестра служит в ЧК. Павел даже не удивился, спросил ее:

- Я ее найду?

- Как не найдешь! А то у нас посиди. Хотя опять же, когда она придет? Бывает, по несколько дней кряду не показывается. Там и днюет и ночует. А то в разъездах. Делов-то у них теперь, сам знаешь.

****

В здание ЧК Павел прошел почти беспрепятственно, показав дежурному бойцу справку и назвавшись братом Анюты Беловой.

- Третья дверь налево,- подсказал ему дежурный.- Если ее нету, подожди. Она где-то здесь.

Едва Павел подошел к названной двери, как она сама открылась и из нее два красноармейца выволокли человека, одетого в лохмотья, еле живого. Хотя его лицо было изуродовано побоями, Павел узнал его, это был его сослуживец по кавалерийскому полку. Он со злостью открыл дверь и вошел.

Анюта сидела за столом и что-то писала. На столе перед нею лежал револьвер, стояла чернильница-непроливайка. Она подняла голову, посмотрела на вошедшего и не узнала его. Хотела что-то спросить, но Павел опередил.

- Ну здравствуй, сестричка,- произнес он как можно приветливее.

- Это ты?- удивилась Анюта.- Ты зачем сюда пришел?

- Я насовсем приехал, за ключом к тебе.

- Но где ты был целый год?- с каким-то недобрым намеком спросила сестра.

- Воевал. В Красной армии. Да вот, понимаешь, ранен был. В лазарете плохо, холодно, домой захотелось. Вот и приехал. А ты тут чем занимаешься?

- Это тебя совсем не касается,- рубанула она в ответ.

- Да я не к тому. Про этого человека, которого вывели от тебя, хотел сказать.

- Ты его знаешь? Откуда?- и она сразу уставилась на Павла.

- Фамилию его я не знаю, а в лицо помню. Он служил в нашем полку.

- Ты служил вместе с ним? Значит, и ты такой же!

- Какой - такой же?

- Да это же враг. агент империализма. Теперь мне понятно, почему ты здесь оказался. Ты, скорее, его сообщник, и ко мне подкатывашься, как к сестре, чтобы вызволить его отсюда. Но ничего у тебя не выйдет.

- Да ты с ума сошла, сестра.

- Это я сошла с ума? Теперь мне понятно, почему ты все время останавливал меня, когда я вступила в ячейку. Понятно-понятно. Теперь мне все понятно. Ты хотел, чтобы я осталась темной бабой и не стала сознательным революционным элементом.

- Опомнись, сестра. Я тебе не только не мешал, но даже помогал. Разве не я давал тебе читать запретные книги?

- Это было только для отвода глаз,- не моргнув и глазом, парировала сестра.- А нутро-то твое совсем другое. Кто возводил клевету на партию большевиков? Разве не ты?- она потрогала без видимой надобности, лежавший на столе револьвер и совершенно другим - жестким и повелительным тоном потребовала: - а ну, давай, рассказывай!

- Что рассказывать?

- О своих темных делишках. Откуда ты знаешь этого человека? Что тебя с ним связыват? Что у вас с ним общего? Какое и от кого ты получил задание?

Павлу стало не до шуток. Он не находил слов. Анюта хищником смотрела на него, ожидая признаний, а он сидел, опустив голову.

"Неужели я воевал за эту власть?- невольно пришло ему в голову.- Какой же я глупец".

- Что молчишь? Отвечай, когда тебя представитель власти спрашивает!

- Дура ты, Анюта. Больше мне нечего тебе сказать.

- Я еще и дура! За дуру я тебе счас же пулю в лоб пущу. Последний раз требую: отвечай! Явки, пароли, все выкладывай!

- Да пойми же ты, нечего мне тебе говорить.

- Я не знала, что ты такой трус. Напакостить делу революции сумел, а отвечать боишься. Так ведь?- и сестра уставилась на него вопрошающим взором, полным презрения.

- И тут ты ошибаешься, сестричка. Я совсем не трус.

- А если не трус, то почему молчишь?

- Если ты так настаиваешь, то я все тебе расскажу. Сейчас, сейчас, сестричка. Сейчас. Ты все, все узнаешь. Все узнаешь,- повторял он словно в лихорадке.- Подожди только немножко. Я сейчас. Только больную руку немножко поправлю. Что-то она заныла. Очень заныла.

Анюта торжествовала. Еще бы, это она, она сама, а не кто-

либо посторонний разоблачит собственного брата-предателя.

А брат тем временем расстегнул на шинели застежки и сунул под полу шинели здоровую правую руку. Достал из внутреннего кармана свой наградной браунинг, тихонько, чтобы сестра не услышала щелчка. взвел курок, приложил дуло к левому подреберью, стараясь направить дуло в сторону собственного сердца, и без промедлений нажал спуск.

Выстрел грянул так неожиданно, что Анюта сразу не поняла, что же произошло. Павел замертво упал на пол, правая рука с зажатым в ней браунингом откинулась в сторону.

На звук выстрела к Анюте вбежали несколько ее сослуживцев. При виде трупа никто из них почему-то не удивился: обычное дело в их практике. Еще один враг, боясь возмездия, свел счеты с жизнью сам.

Оставшись одна, Анюта взяла из руки мертвеца ставший ненужным ему браунинг, прикинула к руке и, оценив его достоинства, решила: неплохая вещица, вполне сгодится. Заметив на нем гравировку, прочла: "Бойцу Красной армии Федотову П.П. За храбрость". По поводу гравировки подумала: "На какие только уловки не пускаются враги. Но мы видали и не таких!"

Вскоре труп убрали. Ночью с такими же другими безымянными, как и этот, его зароют где-то за посадом, в заранее приготовленной яме. А через полчаса довольная собой и проникнутая гордостью за проявленную ею бдительность Анюта "разматывала" очередного врага советской власти.

ОТ ВОРОТ - ПОВОРОТ

Французский посланник у Двора Российского - господин Коленкур был на грани отчаяния. Как стало ему известно из парижской почты, его император Наполеон Бонапарт распростился со своей когда-то горячо любимой Жозефиной и женился на дочери австрийского императора Марии Луизе.

Мария Луиза, Мария Луиза,- повторял про себя посланник.- Как пишут из Парижа, девятнадцатилетняя особа была непревзойденной красоты. О, его император знает толк в женщинах.

Вся придворная знать, все генералы спешат засвидетельствовать ей свою преданность и завоевать ее расположение. Не надо дремать и ему, посланнику Коленкуру. Нужно послать ей из этой полудикой страны что-либо такое, что привело бы ее в восторг.

Но что? Что можно послать из этой глуши, если большая часть ее жителей ходит в обуви из древесной коры? Есть у них, правда, кое-какие ремесла, даже искусные мастера. Но не пошлешь же избалованной вниманием дочери австрийского императора, а теперь и императрице Франции какую-либо безделушку вроде шкатулки или здешних матрешек. Посмеется императрица над его презентом, тогда прощай карьера со всеми честолюбивыми замыслами.

Не меньше озабочены и сослуживцы посланника. Тоже сбились с ног в поисках чего-либо необычного. Просят своих русских друзей помочь найти что-либо особенное, чем можно удивить супругу императора.

Одно за другим следовали разные советы, предложения. Но все было не то. В то же время, нужно было на чем-то и остановиться. Не прозябать же им в безвестности.

Первый помощник посланника прослышал, будто в Нижнем Новгороде есть небольшая фабрика, на которой искусные мастерицы делают замечательные русские шали.

- Шали?- переспросил Коленкур.- Не слишком ли это прозаично? Шали обычны в России с ее долгими холодными зимами. Но шаль - и вдруг в Париже! Тем более, первой даме Франции..

- Шали, как я слышал, месье, стоят того, чтобы, по крайней мере, на них взглянуть,- не отступал первый помощник.- На сегодня - это лучшее, о чем можно говорить. К тому же, это нас ни к чему не обязывает. Выбор всегда за нами. И время упускать нельзя. Как говорят русские, дорога ложка к обеду.

- Вы почти убедили меня, мой друг. Я уступаю вашему предложению. Но помните, однако, рискую не я один. Итак, Нижний!

Отыскать мануфактуру коллежской асессорши Натальи Мерлиной, прославившуюся своими чудесными шалями, приехавшим в Нижний Новгород французам труда не составило. Мануфактура Мерлиной изготавливала шали в мизерном количестве - не более пятидесяти штук в год. Работа тонкая, кропотливая. Потому и цена была не всякому по карману. Появление покупателя, представлявшего высокую особу, было в порядке вещей. Но иностранцев среди них пока не было. Приезд французов с переводчиком хозяйку удивил.

- Пожалуйста, без переводчика,- ответила на их приветствие уже не молодая, но миловидная хозяйка на довольно сносном французском, чем немало удивила гостей.- Я к вашим услугам, месье.

- Мадам,- обратился уже на родном языке Коленкур, тряхнув кипой черных кудрей,- мы наслышаны про ваши замечательные шали. Не угодно ли вам показать свои изделия?

- Отчего же?- тотчас согласилась хозяйка и, взяв стоявший на столе изящный колокольчик, позвонила. Затем, обращаясь к гостям, предложила:

- Прошу садиться, месье.

Вскоре вошла молодая женщина.

- Татьяна,- повернулась в ее сторону хозяйка,- вот эти господа желают посмотреть наш товар. Позови девчат.

После ее ухода тут же вошли три молодые женщины. Они были будто специально подобраны для отведенной им роли - высокие ростом, статные, одетые в яркие сарафаны. Настоящие русские красавицы. У каждой на руке, согнутой в локте, висел платок. По тому, как они остановились и спокойно ожидали дальнейших указаний, можно было заключить, что свои роли они освоили в совершенстве.

- Машенька,- обратилась хозяйка к одной из них,- покажи господам свою шаль.

Машенька, синеокая красавица, метнув в сторону гостей мимолетный взгляд, отошла от подруг, степенно сняла с руки шаль, расправила ее, сложила вдвое и ловким движением накинула себе на плечи, закрыв шалью и руки, оставив на виду лишь белые кисти, удерживавшие за края саму шаль. Она грациозно повернулась вполоборота к гостям, чуть вздернула голову и устремила взор куда-то вдаль.

Удовлетворенная хозяйка повернулась к гостям, желая по их лицам определить произведенное на них впечатление.

Французы встали с мест и во все глаза смотрели на представшее перед ними зрелище. Больше других восторгался увиденным помощник посланника. Он то и дело поворачивал голову, поглядывая то на шаль, то на своего шефа. Коленкур был в неменьшем восторге. Не остался равнодушным и третий их спутник.

Белая шаль с яркими красивыми цветами по ее кайме смотрелась великолепно, сливаясь воедино с молодой красивой особой. Создавалось впечатление, будто в просторной и без того светлой приемной неожиданно взошло солнце, стало еще светлее и уютнее, а сами находившиеся в ней люди почувствовали чудесный аромат цветов, так непринужденно и естественно примостившихся на этом рукотворном чуде.

По восторженным взглядам и лицам гостей можно было с полной уверенностью сказать, что шаль им очень понравилась. По их просьбе Машенька прошлась по комнате, несколько раз повернулась. И хотя шаль была прекрасна сама по себе, движения Машеньки, искусно отработанные и много раз повторенные, выставляли ее изделие в еще более выгодном свете.

Очарованный увиденным Коленкур был уже готов купить эту шаль, однако, взглянув на двух других особ, ожидающих своей очереди, сказал:

- Очень, очень великолепно, мадам. А теперь прошу вас показать эти работы.

Вторая шаль была не менее восхитительна. Яркие цветы по черному полю также смотрелись словно живые. "Очень, очень хорошая работа,- решил про себя Коленкур.- Однако, эта скорее годится для дам более зрелого возраста".

Следующая, третья шаль заполыхала словно алая заря на утреннем небосводе. И такие же, изумительных красок, цветы по кромке, будто кто-то нарочно набросал их на это утреннее небо.

"Настоящая жар-птица",- подумал Коленкур. Он не удержался, попросил у мадам позволения потрогать шаль руками. С разрешения хозяйки девушка передала шаль гостю. Француз ощутил в руках тончайшее полотно, по которому были рассыпаны яркие живые цветы. На одном из углов шали были вышиты вязью две буквы: "Н.М.".

Шаль была столь прекрасна, что посланник нисколько не сомневался: в Париже его дар произведет настоящий фурор. Абсолютно был уверен он и в том, что его выбор одобрят и его спутники. Не раздумывая, он произнес:

- Супруга французского императора будет в восторге от вашей работы, мадам. Пожалуйста, назначьте цену за эту работу,- обратился он к хозяйке, показывая на третью шаль.

Однако, хозяйка с ответом почему-то медлила.

- Не скромничайте, мадам,- снова обратился к ней Коленкур._ Мы заплатим любую цену, какую вы назовете.

И снова ответа не последовало. По выражению лица Мерлиной можно было предположить, что ее одолело какое-то раздумье. Наконец, она произнесла:

- Сожалею, месье, но я должна вас огорчить. На вывоз из России я свой товар не продаю.

- Как?!- воскликнул в изумлении не поверивший услышанному посланник.- Вы отказываете самой императрице Франции? Вы шутите, мадам?

- К сожалению, месье, это вполне серьезно.

- Но мы готовы уплатить вам впятеро, вдесятеро против вашей обычной цены!- уже не смог сдержать себя посланник.- Вы слышите?- Вдесятеро! Вдесятеро!

- Ни за какие деньги, месье.

Ошеломленные таким оборотом, французы долго стояли в растерянности, беспомощно поглядывая то друг на друга, то на хозяйку, а больше всего на ускользающую из их рук прекрасной работы алую, как утренняя заря, русскую шаль.

Поняв, наконец, что дальнейший торг неуместен, они, забыв даже о свойственной французам галантности, неловко откланялись и пошли к выходу. На душе у каждого из них было прескверно.

Когда они сели в экипаж, первый помощник посланника, слывший в посольстве французов знатоком русского фольклора, с сарказмом произнес:

- У русских это называется "от ворот поворот".

КОЛДУН

Ранним утром Агафья, как всегда, первым делом пошла к корове. В одной руке бадья с пойлом, в другой - подойник. К этому времени корова обычно уже поджидала ее и со скрипом двери поворачивала голову в ее сторону. Вышла хозяйка во двор, а коровы не видать. Пошла в открытый хлев. Ее кормилица лежала и не спешила вставать.

- Ты что, матушка? Подымайся, - и Агафья ласково потрепала ее по шее.

Но корова продолжала лежать. Пригляделась к ней хозяйка, глаза у коровы мутные, вид невеселый и задумчивый, изо рта висит клок пены. Схватилась Агафья за сердце, вся закаменела, не может вздохнуть.

- Боже мой, - только и сумела она вымолвить.

Придя в себя, долго как с самым любимым человеком разговаривала со своей Красулей. А она все лежит и только жалобно смотрит. Вот уже слышно, как по селу, наигрывая в рожок, идет пастух. Изредка мычат проходящие мимо коровы. Блеют овцы, разговаривают люди. Не может сообразить Агафья, что ей делать, помощи ждать неоткуда, она давно овдовела, живут вдвоем с дочерью. Вышла на улицу, глянула на проходивших мимо овец, а две из них будто прихрамывают. Пошла к соседям. А там Ефрем с Дарьей о чем-то тревожно судачат. Не сдержалась Агафья, пустила слезу.

- Беда у меня стряслась, Ефрем. Корова не подымается. Задумчивая какая-то и пена изо рта. Ума не приложу. Неужто конец мне пришел?

- И мы свою не выгнали. Видно коровья немочь пришла.

- За что же на нас такая напасть?

Но сосед ничего не ответил, только дернул плечами да беспомощно развел руки.

Вечером половина сельских овец вернулась с поля хромоногими, а с десяток ягнят не пришли совсем. У многих захромали свиньи, а поросята даже слегли. Назавтра пастух стадо не

собрал совсем. В селе страшный переполох: пришла скотская смерть.

Люди делали все, что сумели перенять от дедов и отцов, чему научились сами. Мазали коровам языки, губы и копыта дегтем, кормили лучшим свежим кормом. Но ничто не помогало. Коровы с трудом вставали на ноги, ели плохо, сбавляли молоко. Овцы и свиньи обезножили. Особенно страдал молодняк.

Встречаясь между собой, бабы узнавали друг у друга что еще у кого пало. Судили и о том, откуда пришла такая напасть? Одни были уверены, что занесли ее проезжие. Другие упорно отстаивали, что виною тому сами жители села. Некоторые уверяли, будто бы даже видели и саму скотскую смерть.

- Своими глазами видела, убеждала бабка Ефросинья, - с неделю тому было, в ночи. Темнища - хоть глаз коли. Вышла это я во двор по нужде, а она стоит, вся белая, волосье распущено, глазищи - во! А хайло-то, бабоньки, и не скажешь какое. Корову живьем проглотит.

После таких слов все поверили: в селе появилась скотская смерть. Нужно что-то делать. На одном из очередных сборищ Агафья решительно заявила:

- Убить ее надо, бабоньки, пока она всю нашу скотину не перевела. Или хоть бы из села выпроводить. Не то все пропадем.

- А как с нею сладишь? - спросила одна молодка.

- Как до нас делали. Тут хитростей немного. Только чтоб всем гуртом, - ответила Агафья и начала посвящать их во все тонкости действа.

Пожилые женщины и без того знали все подробности этого дела, но и им, не говоря о молодых, не мешало послушать всеведущую Агафью. Тут же и порешили: дальше эту заразу терпеть нельзя, надо убить ее или хоть изгнать из села. И не мешкая. Договорились обо всем, определили, кто что будет делать.

Вся оставшаяся часть дня прошла в хлопотах, непрерывных встречах, загадочных разговорах. Одна другую предупреждали: вечером огней никому не зажигать, печей не топить. У кого что есть, даже угольки в загнете или в печи, не говоря о лампадах, все погасить, а угли залить водой. Мужикам сказать, чтоб с самого вечера по селу не ходили, а сидели по домам. Не то, не ровен час, бабы такого могут прикончить, приняв его за скотскую смерть.

В самую глухую пору - полночь, как только прокричали петухи, на улицу из своей избы вышла совсем молоденькая, еще подросток, - Стратилатова Верка. Одета она была только в белую рубаху, босая, с распущенными волосами. В худеньких ручонках она держала икону святого Власия. Следом появилась ее тетка Акулина. Подошла тихо и встала позади девушки. Обернулась Верка на шорох и в страхе попятилась. Стоит перед нею привидение, все в белом, грудь обнажена, волосы распущены, в руке метла.

- Не бойся, девка, это я, - стало успокаивать девку привидение.

Вскоре стали подходить другие - бабы, девки, вдовы. Одеты они были также - в белые рубахи, босые, с распущенными волосами. Каждая из девок держала в руке что-либо железное, в другой руке - колотушку. Последней подошла давно овдовевшая бабушка Ефимия. Она сняла с себя рубаху, повесила ее на изгородь и, оставшись нагой, впряглась в заранее приготов-

ленную соху.

Процессия выстроилась: впереди с иконой Верка, за ней Акулина с метлой, дальше девки с железками и бабка Ефимия с сохой. Вдовы и бабы окружили и поддерживали ее, помогали тащить тяжелую соху. Замыкала шествие старостиха Настасья, несшая в руках черного петуха.

Выйдя по стежке за село, приступили к опахиванию, обходя вокруг села. Впереди степенно шла Верка с иконой. За ней верхом на метле Акулина. Она самым невероятным образом кривлялась, прыгала, скакала бесенком, громко визжала, выкрикивала непотребные слова. Девки изо всех сил колотили в сковороды, заслонки, косы своими колотушками. Они тоже кривлялись, прыгали и кричали словно безумные, стараясь перещеголять одна другую.

Бабушка Ефимия, тащившая соху, тоже пыталась кричать, но ее голос тонул в общем гвалте. Помогавшие ей женщины неистовствовали больше других. Дав волю своим языкам, они выкрикивали такие слова, от которых даже мужчинам стало бы не по себе. Шедшая сзади всех с черным петухом Настасья старалась не отстать, орала самые похабные слова.

Перед каждой избой процессия останавливалась. Оставив на месте бабушку с сохой, все шли к воротам усадьбы и с таким же невообразимым шумом орали: "Вот она! Секи! Руби! Бей ее! Бей! Выйди вон коровья зараза! Секи! Руби! Смерть скотьей смерти!"

Изрядно накричавшись и нашумев, возвращались к сохе и с такими же дикими криками продолжали тащить соху, опахивая село. Следующая изба - и опять остановка. Так незаметно прошла ночь. Дело подходило к концу. Все устали. Бабушка Ефимия сама чуть держалась на ногах, а тут еще тяжелая соха.

Завершая круг, надо было выйти на свой первоначальный след. Поэтому-то во главе процессии поставили молодую непорочную зрячую девушку.

Верка смотрела во все глаза, стараясь выйти на свой след. Ей подсказывали, одни кричали, что надо подать вправо, другие советовали влево. Наконец, все удачно завершено. Верка прошла по первоначальному следу, оставленному сохой. За ней вышла на борозду и соха.

Теперь надо сковать стык, чтобы скотья смерть не смогла его прорвать. На стыке выкопали лопатой ямку. Настасья опустила в нее своего черного петуха. Ей ни чуточки не было жаль расставаться с ним. В последнее время она стала замечать, что этот петух стал нести яйца. А петушиные яйца, известно, могут принести дому настоящую беду. Не дай Бог, попадут под наседку, и выведутся тогда из петушиных яиц настоящие гадюки-змеи. Нет уж, подальше от такого греха. Пусть лучше сослужит петух добрую службу.

- Ко-ко-ко, - подал из ямки голос петух, будто прощаясь с людьми и своей жизнью.

Когда ямку стали засыпать землей, петух затрепыхался, пытаясь вырваться на свободу. Но ямку быстро засыпали землей, а для верности притоптали босыми ногами.

- Ключ-замок, - произнесла довольная Настасья, когда с петухом было кончено.

- Смерть скотьей смерти! - ответили ей довольные голоса.

- Аминь, - чуть слышно пропищала уставшая бабушка Ефимия.

Все сделано как надо. Из села они эту злодейку выгнали, а

назад борозда ее не пустит. Уставшие, но довольные содеянным, стали расходиться.

- Бабушка, рубаху-то одень, - крикнул кто-то вслед уходившей бабушке Ефимии.

- Ой, милые, я совсем позабыла.

Она натянула на себя рубаху и гордая сознанием своего участия в таком важном деле тоже пошла домой. Уже наступало утро.

Когда окончательно рассвело, бабы с опаской посматривали друг за дружкой: не задымит ли у какой печь? Не дай Бог, если какая оставила в печи огонь, пропадет вся их ночная работа. И новый огонь от обычного огнива зажигать нельзя. Только от священного живого огня!

За дело взялись мужики. Вырубили в лесу и вкопали в землю два столба с рогульками. Положили на эти рогульки бревно-перекладину с ямкой посредине. На землю под этой перекладиной положили другое бревно - и тоже с ямкой, выдолбленной топором. Между этими бревнами вставили заостренное с обеих сторон бревно-распорку. Обернули это бревно дважды веревкой. И получилось у них подобие лучкового сверла. Взялись за концы веревки мужики - по шесть человек с каждого конца. Тринадцатый - староста Тихон правил всеми делами.

- Ну с Богом, мужики, начали, - распорядился староста.

Потянула одна сторона веревку, другая ее отпускает, и начала вращаться распорка в своих гнездах-ямках. Давит она своим весом на гнездо в нижней перекладине, нагревает ее. Так по команде старосты таскают мужики туда-сюда веревку. Вот уже появился внизу чуть видимый дымок. Дальше еще заметнее. И уже затлело дерево, появились язычки пламени. Это родился живой, священный огонь. Сила в нем таится великая. Оберегает он людей, их дома и скотину от всякой напасти.

Опять-таки по команде старосты зажгли мужики от живого огня солому и разный сушняк, разнесли огонь на четыре угла вокруг селения. Горит он кострами дни и ночи без перерыва, оберегает от скотской немочи. Уж теперь-то эта зараза не проберется обратно к их скотине.

Затапливая печи, бабы тоже зажигали дрова от живого священного огня.

Но как ни старались люди, все еще буйствует скотская немощь. А вскоре в селе произошло еще одно событие, насмерть перепугавшее его жителей. Скончался Иуда - отец Ваньки Шелудивого. Смерть человека - дело обычное. Но уж больно загадочно он умер. Мужик был еще не стар, вроде и здоров, а преставился за каких-то три дня. Начали поговаривать, будто коровья зараза перекинулась и на людей, в прошлые годы бывало и такое. И будто бы Иуда от этого и помер. Жизнь людей стала чернее ночи.

Вместе со всеми селянами переживал происходящее и сельский приказчик Гаврила. Он понимал, что московская контора владельца селения не примет во внимание никакие его доводы и спросит с него и оброк и другие платежи полной мерой. Не откладывая в долгий ящик, он написал в контору о повальной скотской болезни и отправил отписку в Москву с помещичьим бортником - Иваном Дубком.

- Ты за неделю обернешься, - наказывал ему Гаврила, - а там и медовый Спас подойдет, бортями займешься.

Дело Ивана подневольное, сел на коня, взял в дорогу харча и подался. На полпути ему повстречался их селянин Архип, шел

из Москвы домой. Остановились, поделились новостями. Архип поведал о своей работе в столице:

- Замешкался я ноне. Работа задержала, к покосу не успел. А так поопасался уходить, мог большой убыток в заработке понести. Как там мои? - ждал словно приговора Архип, уставившись на Ивана.

- Худо у нас, Архип. Скотина хворает. Уж чего только не делали. И опахивали бабы, и живой огонь больше недели жгли. Ничто не помогло. Коровы, слава Богу, пока живы, а молодняк крепко пощипало.

- Что еще в селе? - допытывался Архип.

- Иуду Шелудивого на днях схоронили. Остальные вроде все живы. Да, забыл, Захара Гаврила недавно измордовал по ванькиному доносу.

- Шелудивого, что ли?

- Его. А кого же больше? Только он и промышляет этим промеж нас.

- А за что?

- Две копны сена не довез приказчику.

Архип все хотел спросить про свою семью, но медлил, соблюдая приличие. Когда сельские дела обсудили, спросил:

- А мои домочадцы как?

- К покосу тебя ждали. Да так и не дождались. Помощи твоей Катьке изладили. Все скосили. Я тоже ходил.

- За это спасибо, Иван. Чем же она вас потчевала? Чай, у самой все крохи съедены.

- Не одна она такая, Архип. Народ милостив, никто не роптал. Чем могла, и за это ей спасибо сказали.

- Ну ладно, Иван. Ты, чай, скоро назад? И мне надо торопиться. Давай по своим дорогам.

- Прощевай и ты, Архип. Мне тоже недосуг. Спас поджимает.

Так они и разошлись. Бортник спешил в Москву, Архипа хлеще кнута подгоняла мысль о семье - голодной и бесхозной.

В первый день пути Архип одолел верст пятьдесят, если не больше. На другой день такого запала не мыслил. К вечеру был намерен завернуть в какое-либо село на ночевку, а утром добить остальное. Но после встречи с Иваном так прибавил, что решил: будь что будет, пойду ходом без остановки до самого дома.

За длинную дорогу передумал о многом. Сперва беспокоился за сено. Когда же узнал про скотскую заразу, сердце заныло еще пуще. Стало темнеть. Архип растолкал полученное в Москве серебро по разным местам, оставив в мешочке, что висел на шее, самую малость. Если и встретятся лихие люди, - рассуждал он, - сорвут мешочек, остальные деньги останутся при нем. Если, конечно, не убьют или не разденут и не разуют. Покончив с деньгами, отправился дальше, раздумывая о том, что на земле еще много людей, которым ничего не значит прикончить живого человека. Особенно если есть у него чем поживиться.

- Этим-то уж ладно, - рассуждал Архип. - А ради какой корысти пакостят людям такие как Шелудивые? Им-то что от этого? А все равно пакостят. Такое видно уж у них нутро. Оба одинокие, что покойный отец, не к ночи будь помянут, что его Ванька. Многие от них пострадали.

И вдруг блеснула озорная мысль. От предвкушения ожидаемого события он даже сжал кулаки. "Ну Шелудивый, погоди, -

подумал Архип, - ты мне за все ответишь! И не только мне. Всем!.."

В село Архип пришел уже ночью. Последние десять верст одолел с великим трудом. Но и спешить не следовало. По замыслу прийти надо было перед полуночью. Обогнул церковь. Вошел в само село. Теперь надо во что бы то ни стало встретить кого-нибудь из сельчан. Ага, кажется, кто-то идет. Двое. Пришлось помедлить. Да это же Серапион с бабой, должно от приказчика идут.

Встретившись, остановились, разговорились. Серапион полюбопытствовал насчет Москвы. Под конец спросил:

- А ты, Архип, рисковый. Один ночью идешь. Не боишься? Чай, с деньгами?

Не заметил Серапион, как у встречного в темноте озорно блеснули глаза и не обратил внимания на чуть заметную смешинку в голосе, когда тот отвечал:

- Думал я заночевать тут недалеко. Да повстречался по дороге Иуда. Верст с десять с ним вместях топали. Вдвоем-то оно все спокойней да веселее.

- С каким Иудой? - насторожился Серапион.

- Один он у нас в селе, Шелудивый.

- Свят, свят, свят, - закрестился Серапион. - Чур меня.

Начала креститься и приговаривать шепотом и его жена Федосья.

- Вы с чего это? - как будто недоумевал Архип, а самого так и подмывало расхохотаться.

- Да он же помер, на днях помер, - пояснил, запинаясь, Серапион.

- Как помер? Да я его только что видел.

- Говорю, помер. На нашем погосте и схоронили. Я сам был там.

- Господи, помилуй, Господи, помилуй, - прошептал и Архип, осеняя себя крестом.

- Ходит, значит, Шелудивый, - заключил Серапион.

- То-то он со мною не пошел, а сказал, что к церкви ему надобно. Видно, на могилку к себе торопился, чтоб успеть до первых петухов.

- Ой, Серапион, пойдем домой. Меня аж всю колотит, - дрожащим голосом позвала его жена. - Вот уж не ждали.

- Это как сказать, - возразил Серапион. - За ним всяко замечалось. Только видно горазд больно был.

- Вот уж не подумаешь, - вторил и Архип.

Утром следующего дня новая ошеломляющая весть с быстротой молнии облетела село: Иуда Шелудивый ходит по ночам.

Известие взбудоражило всех. Стали припоминать все обиды, которые пришлось претерпеть людям от его доносов приказчику. Вспомнили самое свежее - недавнюю порку Захара по навету его Ваньки. На разные лады истолковывали и саму смерть Иуды. На одной из бабьих сходок Агафья вещала:

- Бабоньки, что это мы сразу не додумали? Ить вся скотская зараза от него пошла, от этого проклятущего Иуды.

- Верно Агафья баит, - поддержала ее другая. - Чего мы с вами только не делали: и опахивали, и живой огонь мужики добывали, а проку никакого. А откуда ему быть? Да вся пагуба при ем была, при этом Иуде. Как же наша скотина могла поправиться, ежели он денно и нощно промеж нас по селу шастал?

- И подох-то он, сказывают, не враз, - бойко вставила еще

одна. Три дня и три ночи мучился. Все его корежило, а смерть к нему не шла.

- Колдун он, бабоньки. Колдун. Вот побей меня Господь.

- Это как уж есть, истинный колдун, - вторила бабка Дарья, соседка Шелудивых. - Сама не раз слыхала. В полуночное время до куроглашения разные бесовские кличи с их стороны доносились. А мне и невдомек было, что это Иудины проказы, - и бабка набожно перекрестилась.

- Сказывают, - ввернула еще одна, - как зачало его корежить перед его-то смертью, все внука к себе подзывал, пустой кулак ему совал. Кричал ему: на, на! Передать колдовство ему хотел. Тот, бедняжка, уже готов был взять, да Ванька, вишь, вовремя погодился, оттолкнул мальчонку.

- А сказывают, будто Ванька пожалел отца, сам взял у него колдовство, так Иуда враз и помер.

- Да нет, бабоньки, Ванька не должон взять. Иначе Иуда не блудничал бы по ночам. Это от него все зло. Слыхала я, Ванька потолочину в избе отодрал, этим будто и помог Иуде.

После столь бурного обсуждения бабий сход решил: Иуду надо прошить! Для мужиков это решение было руководством к действию.

Вечером того же дня почти все мужское население собралось у сельского кладбища. У многих в руках были лопаты, заступы, топоры. Верховодил староста Тихон. Обычно спокойный и неторопливый, на этот раз староста действовал быстро и решительно. По его сигналу на погост ворвались как в неприятельский лагерь после многодневной осады.

Раскопали свежую Иудину могилу, вытащили из нее домовину, вскрыли крышку. Матово-бледное лицо покойника выглядело еще достаточно свежим.

- Оно и видать, что ходит, - первым заговорил Роман, живший напротив Шелудивых.

- Будто живой лежит, - отозвался другой.

- Одно что Иуда, христопродавец, - поддержал их приказчик.

Кто-то даже плюнул на мертвеца. Труп перевернули лицом вниз и снова закрыли крышку колоды. Неожиданно к гробу подбежал, появившийся на погосте позже других, сын Иуды Ванька. Он зашумел на мужиков, но приказчик Гаврила остановил его, злобно сверкнув глазами:

- Беги отсюдова, пес шелудивый! Не то тебе вместе с колдуном в одной яме лежать!

Ванька не ожидал подобного от своего благодетеля, смотрел на него широко открытыми непонимающими глазами.

- Ну чего уставился? Может, и ты такой? Сказано, мотай отсюдова, гнида паршивая! - и Гаврила сделал в его сторону угрожающий выпад.

Ванька в страхе попятился и скрылся за мужиками.

Староста взял в руку заготовленный загодя осиновый кол и приставил его к крышке домовины. Обращаясь к стоявшему напротив с топором в руке Роману, подсказал ему:

- Колоти.

Роман стукнул по колу обухом топора - раз, другой. С третьего удара кол прошил тонкую скорлупу-крышку домовины и пошел дальше, пронизывая труп. Что-то забулькало, послышался смрадный дух. Когда кол прошил дно, Тихон сказал, довольно улыбаясь:

- Будя. Теперь пускай ходит.

Домовину снова опустили в яму, зарыли, могилу сравняли с землей - чтоб от нее не осталось и следа.

- Таперича не побежит, - сказал кто-то из мужиков, окруживших могилу и с напряженным вниманием наблюдавших за всем происходящим.

- Не сорвется с иудиного кола, - добавил другой.

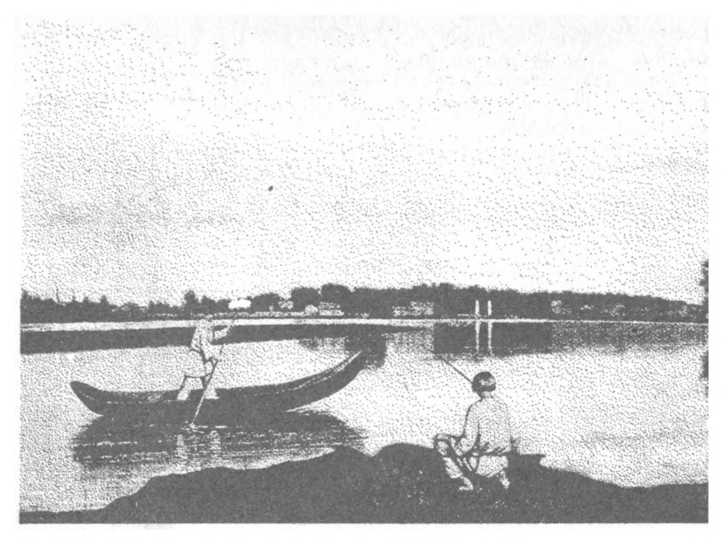
- Не тронет больше нашу скотинку, - удовлетворенно сказал приказчик.

Довольные сделанным важным делом мужики пошли на выход. Проходя мимо церкви, останавливались, снимали колпаки и шляпы, крестились, шептали молитвы. Шедший среди мужиков Архип был доволен - своей проделкой. А староста ему принародно сказал:

- Добро, что ты погодился, Архип. А то беды не миновать бы нам. Извел бы этот Иуда всю нашу скотину.

А скотская болезнь, хотя и буйствовала, но вскоре пошла на убыль. Летняя пора, свежий корм, уход и лечение делали свое дело. Не остался в стороне и сельский священник. Каждую службу он начинал с обращения к Богу и всем святым, прося у них помощи.

НЕЗАДАЧЛИВЫЕ РЫБАКИ

Село Калиновка стояло на небольшой лесной речке Криуше. Речка хоть неширокая и тихая, да глубокая и водная, непрерывно петляла, с многочисленными крутоярами и омутами. Она полукругом огибала Калиновку, а верстах в трех от нее круто поворачивала назад, образуя в том месте подобие петли или луки. В доброе старое время внутри этой петли был большой луг, дававший селу много отменного сена.

Но после того, как один из очередных владельцев села поставил на самом изгибе речки плотину, поднял воду и соорудил мельницу, эту луку затопило. Через несколько лет на месте луга образовалось болото. Стало оно зарастать всякой травой, осокой, ольхой да ветлой. Место стало почти непроходимым. Да и надобность ходить по нему у людей отпала. С какой корысти кто станет лазить по болоту?

Зато на этом болоте поселилось множество всяких пичуг, крупных птиц и разной другой живности. На оставшихся незатопленных гривах развелось множество мышей. На всю эту дичь появились охотники, особенно ночные. Владелец мельницы давно почил, а охотники, особенно ночные, ухали да дико хохотали, наводя на окрестных жителей суеверный страх. Люди были уверены, что в зарослях поселился леший. А в этого лешего будто бы обратился недоброй памяти прежний владелец их селения, так безжалостно затопивший их луг.

Когда в разговоре по какой-то надобности вспоминали его, то называли не иначе, как Лешим, а прежний луг - Лешевым болотом. Мельницы на речке давно не стало. Но плотина, ус-

троенная из дубовых кряжей, стояла как новая и надежной стеной подпирала реку.

Года через два после смерти Лешего один мужик из соседней деревни ехал верхом на лошади мимо речки, петлю ему надо было обогнуть. День был жаркий, и мужик решил искупаться. Привязал лошадь к дереву, вошел в воду, а из нее не вышел. Через неделю вытащили всплывшего мертвеца. Поп утопленника отпевать не стал и на кладбище не пустил.

Молва приписала, что мужика утопил водяной, оброк, вишь, с новой мельницы еще не взял. Так это место стало обиталищем всякой нечистой силы - лесной и водяной.

Взрослые неохотно посещали это место, а на плотину и вовсе не ходили. Зато вездесущие ребятишки, забыв страх, ходили туда рыбалить. Рыбы, особенно в самом глубоком месте, у плотины, водилось множество. Чаще других повадились туда ходить три мальчика - три друга: Аника - внук сельского старосты Ионы, Петька - сын деревенского мужика Евсея и Гринька - сын Евстигнея и Арины, доводившейся жене приказчика, Меланье, родной сестрой.

Ребята чуть ни каждый день ходили туда с удочками и приносили домой неплохой улов. Старшие были довольны их добычей. Но когда Арина узнала, что ребята ходят на самое страшное место - к Лешевой плотине, она строго-настрого заказала своему Гриньке туда показываться.

- Чтоб твоей ноги там больше не было! - приказала она сыну, когда Гринька вдруг заплакал. - Ты что, дурень, хочешь к водяному в лапы угодить?

На этом их разговор и кончился. Приятели узнали о запрете, и Аника, поковыряв в носу пальцем, сказал с укором:

- А зачем про Лешеву плотину сказывал? Вот и сиди дома. А мы пошли. Айда, Петька.

Но Гринька дома не усидел, тоже увязался за дружками. Придя на место, закинули удочки. Но рыба не ловилась. Поплавки все утро простояли не шелохнувшись. Не было ни единой поклевки. Рыбаки долго и терпеливо ждали начала клева, но все было напрасно.

Стало припекать солнышко. Появились мухи, слепни, стрекозы. Недалеко от рыбацких поплавков показалась голубая стрелка. Она покружилась над водой и села на Петькин поплавок. Перед этим стрелка славно поохотилась. После сытного обеда ей захотелось отдохнуть, привести в порядок свой туалет. Она долго крутилась на поплавке, прихорашивалась и просто отдыхала. Поплавок, сделанный Петькиными руками из сосновой коры, нагрелся, стал теплым, и стрелке очень не хотелось с него улетать. Петьке же не терпелось посмотреть как поведет себя голубая стрелка, если рыба потянет поплавок в воду. "Вот испужается", - подумал он про стрелку. Но поплавок по-прежнему стоял как завороженный, не шелохнувшись. Петька не выдержал, дернул удилище, стрелка мгновенно поднялась и улетела. Наблюдавшие всю эту картину Аника с Гринькой на некоторое время тоже отвлеклись и забыли про неудачную рыбалку. Когда же стрелка исчезла, нетерпение и досада стали брать верх.

Ребята еще долго сидели молча в ожидании клева. Аника достал из-за пазухи ломоть хлеба, разломил на три части, по-

дал по куску друзьям. Съели хлеб, снова долго сидели и все без толку.

- Не будет седни брать, - решил Гринька, - айда домой.

- Посидим малость, - предложил Петька.

А Аника мечтательно произнес:

- С водяным бы подружиться, не сидели бы как теперь.

При этих словах Аники Петька от удивления разинул рот, а Гринька деловито спросил:

- Как это подружиться?

- Как все делают, так бы и мы, - ответил как настоящий знаток Аника.

- А как все? - допытывался Гринька.

- Совсем нетрудно. Я слыхал, как дед про одного мужика сказывал. Тот свою душу дьяволу продал.

Петька, услышав про душу, сразу испугался, а Гринька снова спросил:

- А зачем это?

- Зачем-зачем, - передразнил его Аника. - А я почем знаю. Может, рыбы захотел. Водяной-то он же хозяин, любую тебе на крючок нацепит.

- Здорово! - удивился Петька. - Однако, боязно. Как же потом без души?

- Балбес ты, Петька, можно же отай все сделать, и никто знать не будет окромя нас.

- А если прознают? - опасливо спросил Петька.

- Ну и что? Отлупит отец и все. Зато рыбы сколь хочешь, любую бери.

И друзья, забыв про неудачную рыбалку, размечтались о будущих уловах с помощью водяного.

- Тут щуки агромадные водятся, - напомнил Гринька. - Вот бы заудить.

- Такую наши лесы не стерпят, надо целый хвост.

- Знамо, - подтвердил Петька. Будем запасаться.

- У дяди Сидора коня видели? Во хвостище! Надо повыдергать, - предложил Гринька.

- Тебе в самый аккурат. Ты ему родня, - нашелся Аника. - Вот и повырежь. Закончив неудачную рыбалку, ребята смотали удочки и пошли домой. По дороге домой Гринька вспомнил:

- Аника, а как душу продают?

- Приходите завтра. Несите по камню да нитку покрепче.

- А нитку длинную?

- Длинную, - и Аника развел руки в стороны. - Во. Придете?

- Ага, - подтвердил Петька.

- А ты, Гринь?

- А то как?

На другой день с раннего утра Петька и Гринька были уже возле Аникиной избы. Их другу долго не удавалось взять у деда клочек бумаги и перо с чернилами. Когда все домашние ушли, и Аника остался один, он разыскал в дедовых бумагах чистый лист, оторвал от него клок и разорвал на три части. Затем взял перо и вывел на первом клочке как учил его дед: "Аника". На втором написал: "Гриня". На третьем вывел: "Петька". Подул на бумажки, подождал пока подсохнут чернила, сложил все вместе и, зажав в кулаке, вышел к друзьям.

- Камни и нитки взяли? - деловито осведомился он.

- Вот, - показал Гринька и камень и нитку.

- А ты, Петька?

- И я.

- Ну пошли, - предложил Аника. - Надо и мне камень подобрать. Нитку я тоже взял.

При подходе к плотине он сказал:

- Надо к самой глубочине. Водяной там обитает.

Друзья хорошо знали самое глубокое место и уверенно подошли к нему по плотине. Гринька и Петька выжидающе смотрели на Анику. А он взял бумажку с надписью "Аника" и привязал ее ниткой к камню. Затем вручил по бумажке друзьям и приказал:

- Привязывайте как я. Да покрепче.

Когда все было исполнено, Аника распорядился:

- Повернемся к воде спиной и будем кидать через себя в самую глубь. А перед этим надо каждому сказать: "Водяной, водяной, возьми мою душу и прияй мне" Запомнили? Ну, повернулись и говорим.

Когда нужные слова, хотя и вразнобой, были произнесены, камни вместе с бумажками полетели через головы ребят в воду.

- Теперь мы бездушные? - сразу спросил ребят испугавшийся Петька.

- Ну и что? - успокаивал его Аника. - Не боись.

- А когда водяной будет нам приять? - спросил у Аники Гринька.

- Кто его ведает, - пожал плечами Аника. - Увидит наши камни с бумажками, и все будет по-нашему. Давайте рыбалить.

Закинули удочки. Рыбешка ловилась, но даже хуже чем обычно.

- Одна мелочь, - бурчал Гринька.

- Так он тебе сразу и подаст пудовую, - успокаивал его Аника. - Жди.

Ребята были уверены, что с этого дня их рыбацкие дела пойдут совсем по-иному. С каждым последующим днем они вставали по утрам все раньше и раньше. Но по улову было видно, что водяной им пока не помогает. Через несколько дней они пришли к плотине совсем затемно, пришлось даже ждать, чтобы можно было различить на воде поплавок. Но вот на востоке показались первые проблески утренней зари, и рыбаки сразу приступили к делу. Закинули удочки, и Петькин поплавок начал дергаться.

- Засекай, чего рот раззявил! - крикнул в его сторону Аника.

- Да она так, шалует, - спокойно возразил Петька.

- Како шалует? Говорю, взяла. Тяни!

В этот момент Петькин поплавок резко пошел вниз. Петька сделал подсечку и изо всех сил потянул удилище. На крючке оказалась сильная увертливая рыбина. Она долго упиралась, но все-таки оказалась не берегу. Это был хороший язь. Петька навалился на него, схватил руками голову, сдавил жабры. Прикинув на вес, одобрительно произнес:

- Вот это да! Фунтика на четыре потянет.

Аника что-то хотел сказать ему, но в это время его поплавок зашевелился и резко пошел в воду. После долгой возни Аника тоже вынул язя. Этот оказался еще больше, чем Петькин. Вско-

ре выволок язя и Гринька.

К восторгу ребят рыба ловилась такая крупная, что гнулись и трещали их самодельные удилища, рвались лески, разгибались самодельные, сделанные из гвоздей крючки. Все это надо было поправлять на ходу. Иногда рыбаки забывали даже поплевать на червяка - было некогда. Надо было успевать пока водяной помогал им. А в том, что это было именно так, никто из них не сомневался.

Рыбы наловили много, и вся она была как на подбор. Такого улова у них не было ни разу. Аника многозначительно посматривал на друзей как бы говоря этим: ну что, теперь-то вы мне верите?

Особенно повезло Гриньке. Он выловил такого леща - сроду не видали.

- Больше отцовского лаптя, - резюмировал Аника. - Вот это да!

- Тоже сказал. Куда лаптю до него? С три лаптя будет, - уточнил Петька.

Ребята ликовали: теперь-то водяной на их стороне. Когда все их снасти были разорены и ловить стало нечем, они отправились домой. Рыбу несли на виду, нанизав ее под жабры на толстые ивовые прутья. С таким уловом незазорно и на селе показаться. Люди, видевшие их добычу, дивились ребячьей удаче. И было чему дивиться. Каждый шел, согнувшись под тяжелой ношей. Но они гордо несли свою добычу и, поглядывая друг на друга, многозначительно улыбались. Перед тем, как разойтись по домам, условились: завтра выйдут еще раньше.

Аника и Петька строго хранили общую тайну. А вот Гринька сплоховал. Придя домой; он застал только младшую сестренку Нюрку. Увидев рыбу, она восторженно встретила Гринькин улов.

- Ой, какая большущая! - восхищалась она. - Гринь, а эту как звать?

- Лещ это. Ты что, не знаешь? Да где тебе! - не без гордости отвечал довольный рыболов. - Я теперь сколь хочешь могу таких наловить.

Как ни восхищалась сестренка уловом, однако последние Гринькины слова встретила с усмешкой:

- Хвастай.

- И не хвастаю, - и понизив голос до шепота, добавил, - нам теперь водяной помогает.

Нюрка захохотала:

- Ври больше.

- И не вру. - уже не смог удержаться брат. - Мы ему души продали.

Гринька сообразил, что сболтнул сестре лишнее, и умолк. Но было поздно. Слово улетело, и вернуть его невозможно. А сестра не унималась:

- Как это?

- Ну хватит! - оборвал ее Гринька. - Много знать хочешь. Смотри не болтай, а то во! - и он показал ей кулак.

Новость Нюрку озадачила: Гринька теперь бездушный. Весь остаток дня она только об этом и думала. Вечером первой с барской работы пришла мать. Нюрка вертелась вокруг нее. Весь ее вид говорил, что она знает что-то очень важное, но не может об этом сказать. В то же время ей не терпелось поделиться

невероятной новостью с матерью. Когда Арина увидела рыбу, то первым делом спросила Гриньку:

- Где ловили, не там?

- Не, - ответил равнодушно рыбак и даже отвернулся от матери.

- А где? - допытывалась мать.

- На новом месте. Во место нашли, - и Гринька показал ей большой палец правой руки.

- Молодцы, - похвалила его мать.

Нюрке стало обидно, что мать хвалит Гриньку, и она выпалила, уставившись на нее сердитыми глазами:

- И не молодцы они. Это водяной им наловил.

- Какой водяной? - и тяжелая связка рыбы выпала из рук Арины.

Гринька стрельнул гневными глазами в сторону сестры, и та замолчала. Но мать не унималась:

- Какой водяной? Говори!

Но Нюрка продолжала молчать, с опаской поглядывая на брата.

- Говори! - не отступала мать. - Говори, не то лупить буду!

Нюрка испугалась, деваться было некуда, тихонько прошептала:

- Они души водяному продали. Он и натаскал им рыбы.

Самая страшная весть не смогла бы подействовать на Арину так, как поразили ее бесхитростные слова девочки. Арина стала неподвижной, глаза ее расширились и округлились, сам собою раскрылся ее рот. Руки как были приподняты, в таком положении и остались. Пальцы рук неестественно разошлись и скрючились. Она простояла в таком положении некоторое время, потом из ее уст вырвался душераздирающий крик. Она закрыла лицо руками и простонала:

- Ой!.. Ой!.. Ой!..

Немного успокоившись, она хотела что-то спросить у Гриньки. Но его в избе уже не было.

- Ой! - снова вскрикнула Арина и обхватила руками голову. Бедная моя головушка. Господи!

Обессиленная Арина опустилась на лавку. В избу вошел муж Евстигней. Он что-то спросил у жены, но она ничего не ответила.

- Ты что молчишь, мать? - спросил он.

Арина повернула лицо в его сторону, но ее глаза ничего не видели. Евстигней сел рядом с нею, недоумевая спросил:

- Что с тобою?

Но она не ответила, упала лицом на его колени и зарыдала.

- Что же с нами теперь станется-то? - причитала она сквозь передергивающие все ее тело рыдания.

Ничего не понимающий отец вопросительно посмотрел на стоявшую перед ним Нюрку. Та с готовностью пояснила:

- Из-за Гриньки это. Он душу водяному продал.

- Что? Какую душу? - не понял отец.

- Свою. За рыбу.

- За рыбу? Свою душу? Где он?

- Убег куда-то.

- Ах мерзкий сын! - вспылил отец. - Я ему покажу рыбу! Я вытряхну из него эту дурь!

Обращаясь к жене, он стал ее успокаивать:

- А ты чего разревелась? Может это только так?

- Не так это. Ты посмотри какую рыбу он принес, - ответила все еще всхлипывая Арина. - Отродясь такой не ловил. Знамо, не сам.

Вид Гринькиной добычи смутил и Евстигнея.

- С кем он ловил? - спросил он у Нюрки.

- Не знаю. Он завсегда ходит с Аникой и Петькой.

Евстигней опрометью выскочил на улицу и через несколько минут был у Петькиного отца. Петька был дома. При появлении Евстигнея он хотел незаметно улизнуть, но тот успел ухватить его за ухо, подвел к отцу и, продолжая держать и подергивать за ухо, без обиняков спросил:

- И ты душу водяному продал?

Петька сразу пустился в рев.

- Вот, Евсей, погляди. Наши сорванцы свои души продали водяному за рыбу.

Евсей сразу вспыхнул, набросился на сына:

- Вот откуда у тебя такая рыба, негодник! Ну-ка иди ближе, я тебе душу назад вгоню.

Петька заревел еще громче.

- Рассказывай, подлый сын, как было!

Сквозь всхлипывания Петька пропищал:

- Это Аника придумал. Чтоб рыба ловилась.

- И вы продали души?

- Ага.

- Скидай рубаху! - и Евсей тут же принялся его пороть.

А Евстигней вскоре был уже у старосты. Выслушав его, Иона начал сокрушенно качать головой и тяжко вздыхать.

- Пойду к отцу Фотию, - сказал он упавшим голосом. - Надо что-то делать. Не оставлять же их бездушными.

Поп встретил сообщение старосты с величайшим гневом.

- Это чудовищно! Приведи утром этих чад вместе с отцами.

Когда на завтра ребята хоть и сбивчиво, но достаточно полно рассказали о своей проделке, отец Фотий обрушился на них с таким гневом, что у всех затряслись поджилки. Он определенно заявил, что богоотступничества Господь не прощает, и всем им - и большим и малым уготовано место в преисподней на веки вечные.

- И будете вы там повешены за ребра и кипеть в смоле огненной. Вы будете просить смерти, но не будет ее вам. Округ вас будут одни стенания да скрежет зубовный. А ваши муки будут страшнее против мук других грешников в семь седмиц тысяч раз, - заключил свою гневную речь отец Фотий.

Отцы слушали, понуря головы. У мальцов ручьями текли слезы. Каждого из них накануне выпороли дома. Но это было ничто в сравнении с тем, что обещал им отец Фотий.

Между тем, священник не знал как ему поступить в данном случае. В его долгой практике такого дерзкого покушения на Бога еще не встречалось. Поэтому он решил запросить епархию. Стоявшим же перед ним богоотступникам повелел: мальцов выпороть принародно перед божьим храмом, а их отцам и матерям - епитимья, по семь дней есть сухое, да к тому же в течение сорока дней по сорок земных поклонов каждому.

За всю свою многолетнюю историю село не переживало та-

кого потрясения как в эти дни. Аника, Гринька и Петька безвылазно сидели дома взаперти, никуда из своих изб не показывались. Их родители ходили по селу опустив головы, старались как можно реже встречаться с сельчанами. Во всех семьях только об этом и судачили. Слыханное ли дело - продать душу водяному, а водяной - это тот же дьявол. Поголовно страдали ни в чем ни повинные ребятишки. Их нещадно пороли за самые безобидные шалости - для острастки.

Как и всякая ошеломляющая новость, событие обрастало невероятными домыслами. Кое-кто из баб, любивших почесать языки, подолгу застаивались у постоянного места своего сборища - у колодца и без конца обсуждали невероятное событие.

- Господь нам так этого не оставит, - вещала одна из очередных. - Будет нам от него великая кара. Вот помяните мое слово.

Отец Фотий, видя смятение в умах и душах людей, служил в церкви несколько дней кряду. Оставляли мужики и бабы горячую летнюю работу, шли в церковь, каялись, замаливали грехи, клали на серебряное блюдо собранные в великой нужде алтыны, денежки да полушки. В ближайшее же воскресенье священник сделал упор на козни нечистого:

- Слуги сатаны рыщут в каждом закоулке. Отыскивают даже невидимые щели, чтобы проникнуть в человеческие души. Горе тем, кто, забыв имя господнее, святую апостольскую церковь, святой крест и молитву дозволит им завладеть своей душой.

Когда окончилась литургия, прихожан по выходе из церкви ожидало необычайное зрелище. Недалеко от входа на паперть стояло трое козлов. Рядом с ними чуть живые Аника, Гринька и Петька. Возле них лежали пучки прутьев. Всей экзекуцией руководил староста. Священник распорядился, чтобы богоотступных чад секли их же родители...

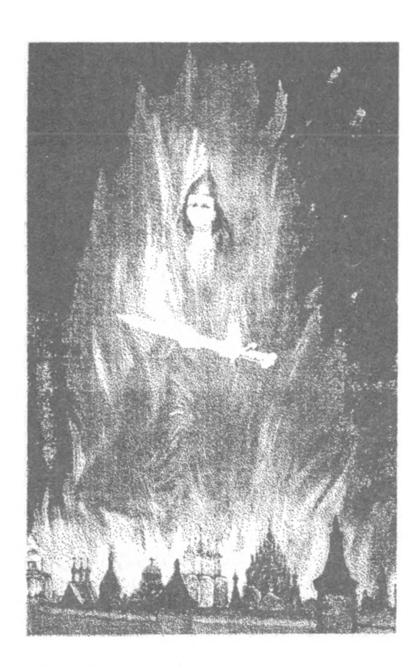
Через неделю пономарь привез ответ из епархии. Священнику Калиновского прихода предписывалось: мальцов-богоотступников окрестить заново и дать им новые имена.

Крестили их в одно из воскресений при большом стечении народа. Священник одел в этот день свои самые богатые ризы, не жалел ладана и своего голоса.

- Отрекаешься ли ты от сатаны? - спрашивал совершенно серьезно и как нельзя кстати каждого окрещаемого отец Фотий.

- Отрекаюсь, - пропишал слабым голоском крестившийся первым Петька.

Отреклись от сатаны и были вновь окрещены и Гринька с Аникой. Так Петька стал Мефодием, Гринька - Мануилом, а Аника - Тихоном.

РАТОБОР И ВИШЕНКА

Знойный летний день. Люди неторопливо идут по узкой лесной тропе. Они не замечают щебетанья птиц и благоухающего медового аромата. Так же степенно и опустив головы, словно понимая своих хозяев, идут и ведомые ими кони. Это возвращаются в родное поселение воины-русичи. Все их мысли и разговоры о только что пережитом.

Непросто живется русичам. Добротная кормилица-земля, изобилующие рыбой реки и озера, богатые зверьем и медом лесные угодья не дают покоя их завистливым соседям. Тянутся к этим богатствам их жадные руки. И нет того года, когда не отважились бы любители чужого добра попытать счастья в доме соседей. Но, слава всевышнему, у русичей хватало пока и сил и твердости духа для достойной встречи непрошенных гостей. Не было исключением и это сражение.

Бой был жестоким и упорным. Больше десятка налетчиков сложили свои головы от рук защитников. Те же из них, кому посчастливилось остаться в живых, надолго запомнят оказанную им встречу.

Но и у русичей не без потерь. Пятеро их отважных сынов отдали свои жизни. Четырех из погибших, как и следовало, русичи погребли на месте боя. Вечная им память и блаженство в небесном саду. На тризне, устроенной в память о них, не было ни слез, ни горьких слов. Ибо смерть на поле брани почитается превыше самой жизни. Не каждому воину судьба оказывает подобную милость. Пятого же погибшего по имени Ратобор чет-

веро его товарищей несут в носилках в главное поселение, где по обычаю дедов и отцов его должны похоронить. Ибо он - сын самого вождя их рода Всеволода.

Ратобор был прекрасным юношей и бесстрашным воином. За его доблесть и мужество в сражениях сородичи прозвали его Ясным Соколом, а старейшины рода еще при жизни отца - вождя нарекли его будущим вождем. Ратобор - Ясный Сокол был гордостью и надеждой всего рода. Несут его со всеми почестями, полагающимися в таких случаях самому вождю. В знак особых заслуг юноши тело его покрыто главным боевым стягом.

Склонив начавшую седеть голову, отец медленно шагает за носилками, в которых несут сына. О чем размышляет бывалый воин? Какие одолевают его мысли? Конечно же, о безвременной кончине сына. Рано, слишком рано покинул Ратобор этот мир. Он только начинал свой жизненный путь и мог долго жить и служить своим сородичам. Но что поделаешь? Видно, такова его судьба. Кончилась нить его жизни, и человек должен перейти из этого мира в другой, мир бесконечного счастья и радости.

Печалится вождь и в то же время радуется. Не посрамил его сын. Год за годом проплыла в памяти вся жизнь его мальчика, начиная от самого рождения и до кончины. Отец лелеял его, когда сын был еще ребенком. Учил и был не в меру строг с ним в пору возмужания. Уроки отца не пропали даром. Сын вырос сильным, ловким, храбрым юношей и стал прекрасным воином. К тому же, уважаемым всеми сородичами. Суровое воспитание не ожесточило его сердца. Он остался добрым и отзывчивым на чужую беду. Старался всегда помогать нуждающимся. Его смерть - это невосполнимая потеря всего рода.

О многом передумал старый воин. Увлеченный своими размышлениями и не заметил, как впереди, в просветах леса показалось их поселение, куда они держали путь.

Весть о возвращении воинов да еще с победой прилетела в поселение задолго до их прихода. Знали уже здесь и о погибших. Навстречу им высыпали все - от мала до стара.

В числе встречавших была и девушка по имени Вишенка, дочь одного из старейшин Милорада. Увидев отца живым и невредимым, она обрадовалась, однако, не кинулась ему на шею, как позволила бы себе дома. Лишь ласково посмотрела в его уставшие глаза и, став с ним рядом, пошла вместе, взяв в две свои ручки его крепкую шершавую руку.

Весть о смерти сына вождя взбудоражила всех, но особенно Вишенку. Она уже все решила как должна в связи с этим поступить. Ей не терпелось переговорить о своих намерениях с отцом. Но она понимала, что для этого сейчас не время. Когда отец, придя домой, умылся, поел и отдохнул, Вишенка с нескрываемым волнением подошла к нему. Она долго не могла начать с ним нужного разговора, чтобы сказать ему то, что ее так волновало. Лишь расспрашивала о самом их походе, встрече с чужими людьми и самом сражении. Когда отец перечислил погибших, назвав при этом и сына вождя, Вишенка сочла, что наступил для нее подходящий момент. Еще более волнуясь, она спросила:

- А когда будете хоронить Ратобора?

- Как и положено по нашему обычаю, через десять дней.

- Он один отправится в небесный цветущий сад? - опять спросила девушка и выжидающе уставилась на отца.

- Почему один? - ответил спокойным тоном отец, не замечавший душевного волнения дочери. - Как сыну вождя ему для будущей жизни в горнем мире надо взять с собою постоянную спутницу, которая будет там ему женой.

- Кто же будет его спутницей? - продолжала донимать отца Вишенка.

- Ты, дочка, хочешь знать больше самих старейшин. Пока мы такую не выбрали. Должно быть, завтра соберемся и кинем жребий. На которую падет, той и будет такая доля. Таков обычай, дочка, - заключил отец.

Милорад не заметил происшедшей в дочери перемены. Она стояла перед ним бледная и в то же время необычайно торжественная. Сейчас все для нее должно решиться.

- Отец, - произнесла она дрогнувшим голосом, - а если найдется такая, которая сама пожелает стать его спутницей в небесном саду?

Не подозревавший никакого подвоха в этом вопросе Милорад ответил:

- Надо думать, старейшины согласятся. Но найдется ли такая? Может ты имеешь на примете кого из подруг?

Еще пуще волнуясь, дочь ответила:

- Да, отец. Есть такая девушка, которая по своей воле хочет стать вечной спутницей Ратобора. Эта девушка - твоя Вишенка.

Услышав такое откровение дочери, Милорад долго не мог прийти в себя. И хотя Милорад понимал, что отец не вправе запретить дочери пойти на такое, ибо это - ее священное право, тем не менее, сам он об этом не мог даже помыслить. Одно дело отдать свою дочь на заклание, если на нее падет жребий, и совсем иное, если она пойдет на такое добровольно.

После некоторой паузы он поднял голову и посмотрел на нее.

Вишенка стояла перед ним словно прекрасное молодое деревце, готовое вот-вот распуститься цветами и со временем дать плоды. Ей только жить да жить. Нельзя было и помыслить, чтобы даже для такого благого дела можно убить это прекрасное создание. А она, между тем, вопросительно смотрела на отца и ждала, что он ей скажет. От того, что она сейчас услышит от него, зависело все ее будущее. Наконец, отец собрался с силами и спросил:

- Ты хорошо подумала, дочка?

- Да, отец, я все обдумала, - уверенно ответила Вишенка.

- Ты так молода, моя доченька. Ты еще совсем не видела жизни, - пытался отговорить ее отец. - Поживи с нами. Уйти в небесный сад ты всегда успеешь.

- Но я хочу уйти туда с Ратобором, отец, - настаивала Вишенка. - Ты не ведаешь, как мне хочется стать его вечной спутницей.

- Но почэму именно с ним?

- Ах, отец! - воскликнула девушка. - Я никогда не говорила тебе об этом. Знай же, я помню Ратобора еще с давних пор, по своей предыдущей жизни. Тогда я была молоденькой косулей. Он же был охотником. Однажды, гуляя по лесу, я так размечта-

лась, что не заметила как ко мне подкрался охотник. Он уже приготовился пустить в мою сторону стрелу. Когда я заметила его, было уже поздно. Но охотник почему-то раздумал и опустил лук. Я даже не испугалась. На его зов подошла к нему. Он сказал мне тогда: "Ты такая красивая. Мне жаль убивать тебя. Живи". С тех пор мы часто встречались с ним, гуляли по лесу. Другие косули завидовали мне, спрашивали как я могла подружить с охотником?

- Видно, это твоя судьба, дочка, - вынужден был согласиться отец.

- А если судьба, то почему я должна противиться ей?

- Все так, дочка. Только жаль, что придется с тобою расстаться. Мы будем скучать без тебя.

Но это же не навечно. Когда вы с матушкой закончите свою земную жизнь, тоже перейдете в небесный сад. Я буду ждать вас там.

Отец со вздохом ответил:

- И все же мне жаль тебя. Однако, перечить не стану. Но последнее слово за старейшинами. Как они решат, так и будет. И с матерью надо переговорить.

Слова отца обрадовали девушку. Она по-детски подскочила к нему, обняла, прижавшись личиком к его груди, и заглядывая снизу вверх в его глаза, прошептала:

- Спасибо тебе, отец.

Решение старейшин Вишенка встретила с восторгом. Вечной спутницей Ратобора в небесной жизни будет она.

Началась обычная подготовка к погребению. Место для могилы Ратобора и Вишенки старейшины выбрали на высоком берегу реки, откуда на большом удалении видна вся округа. На самом высоком холме сделали земляную насыпь, огородив ее частоколом. Посреди насыпи устроили навес, покрыв его кумачевой тканью. Под навесом положили покойника. Это его временная могила. Женщины начали шить для Ратобора погребальную одежду, в которой он отправится в другой мир.

Все десять дней подготовки к обряду похорон жители рода вели себя так, словно это был большой их праздник. Они пили, ели, веселились. Вишенка, одев свои лучшие наряды, украсив себя лентами и цветами, была постоянно среди людей, веселилась и радовалась своему счастливому будущему. Женщины, готовя ее к переходу в другой мир, прислуживали ей, кормили ее особой пищей и поили отварами из особых трав.

А подготовка к погребению продолжалась. Мужчины срубили громадное дерево и выдолбили из него вместительную домовину. В ней Ратобору и его спутнице предстояло отправиться в небесный сад. Домовину установили рядом с покойником. Заготовили хворост и сушняк для костра.

В день совершения таинства Ратобора одели в его самые лучшие одежды, надели на него доспехи и украшения, после чего его усадили в домовину. Вокруг его пристанища разложили оружие, которым покойный пользовался при жизни. Поставили сосуды с медом, вином, зерном и различными яствами. Рядом с домовиной уложили принесенных в жертву его любимого коня со всем убранством, корову, собаку, курицу.

Перед закатом солнца четверо мужчин подвели Вишенку к ограде, окружавшей место погребения и, подняв ее над огра-

дой так, чтобы она смогла заглянуть внутрь, один из мужчин спросил ее:

- Что ты там видишь?

- Вижу красивый сад, - уверенно ответила девушка. - Вижу своих умерших бабушку и дедушку. А вон бегает моя младшая сестренка Щучка. А еще я вижу своего господина и мужа. Он сидит в этом красивом саду. С ним люди из нашего рода. Мой господин зовет меня. Вы слышите? Он зовет меня. Ведите же меня к нему!

Последние слова были сигналом к завершению ритуала. Мужчины бережно опустили ее на землю и сказали, что поведут ее к господину. Вишенка покорно пошла с ними. Радостную и цветущую девушку повели в особое помещение, а вскоре те же четверо вынесли ее оттуда уже на руках.

Вишенка была такая же, какую ее только что видели перед этим, молодая и красивая, нарядно одетая и украшенная лентами и цветами. Но в то же время, это была уже не та живая и веселая девушка, радовавшаяся своему счастливому будущему. Похожа она была на только что срубленное молодое деревце, которое уже никогда не зацветет и не даст плодов.

Вместе с ее кончиной замерла, казалось, вся округа. Замолчали певшие в поле перепелки, перестал скрипеть поселившийся недалеко от поселения дергач. Смолкли окружавшие место погребения люди. Лишь чуть слышно перешептывались между собою, взирая на происходящее с высоты, верхушки вековых деревьев.

Войдя со своей ношей внутрь ограждения, мужчины бережно положили ее в домовину, рядом с сидевшим в ней господином и мужем, поправили на ней одежду и украшения. Следом подошли другие мужчины - с цветами, ароматными травами, блюдами с разной пищей. Принесли также отданных в жертву петуха и курицу. Все это было уложено и установлено вокруг домовины.

Когда на вечернем небе загорелась первая звезда, в руке одного из распорядителей ритуала заполыхал факел, зажженный от только что добытого священного огня. Освященный факелом Ратобор сидел в домовине словно живой. Дорогие каменья надетых на него украшений заиграли разными бликами. Создавалось впечатление, что все происходящее - не более чем игровая сцена, и что сын вождя жив и невредим и вот-вот встанет из своего прибежища и подойдет к людям, с напряженным вниманием наблюдавшим за всем ходом этого действа.

По толпе невольно прокатился какой-то шелест и приглушенный общий вздох.

При свете факела мужчины обложили домовину с двумя ее обитателями и всеми дарами громадной горой хвороста и сухих дров.

На округу опустилась темнота. Развязка приближалась. Старейшина распорядитель принял горящий факел и предложил всем находившимся внутри ограждения удалиться. Словно стараясь отдалить последний акт, он медленной поступью поднялся на насыпь и приложил пылающий священным огнем факел к хворосту.

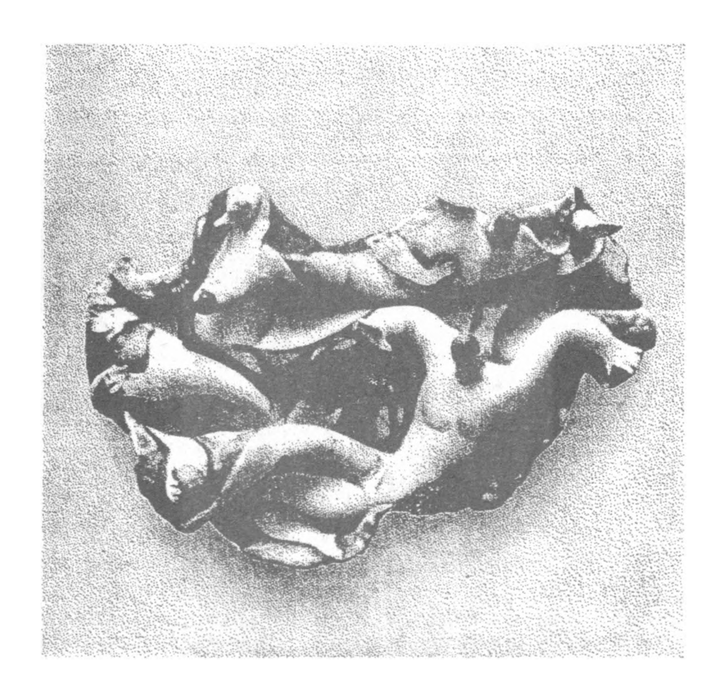
Огонь тут же ухватился за сушняк. Жадное пламя, словно выпущенная из заточения стая кровожадного зверья, ринулось

во все стороны, пожирая все, что встречалось на его пути. Вскоре огонь разросся в неимоверное чудовище, объявшее все способное гореть. Костер бушевал, гудел, извивался, беспрерывно меняя в ночном небе свои очертания.

Наблюдавшие его люди были уверены, что вместе с устремленным в небо пламенем в небесную высь улетают и закончившие свой земной путь их юные сородичи. Люди постарше надеялись в скором времени встретиться с ними в небесном саду. Юноши мысленно клялись быть похожими на Ратобора. Девушки втайне завидовали счастью, выпавшему на долю их подруги Вишенки.

Люди стояли долго, до тех пор, пока не догорели последние угольки. А рано утром, когда от громадного костра осталось лишь холодное пепелище, мужчины приступили к возведению над могилой Ратобора и Вишенки большого кургана. По окончании этого нелегкого дела на вершину кургана сложили собранные перед этим остатки от доспехов молодого воина, уцелевшие от огня.

Вскоре началась поминальная тризна. Воины состязались друг перед другом в силе, ловкости, выносливости, воинском мастерстве. Высокого проявления этих качеств каждодневно требовала их суровая жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Темная баба.. 3
От ворот - поворот 22
Колдун 26
Незадачливые рыбаки 34
Ратобр и Вишенка 42

Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

ДМИТРИЙ СМОЛЬНИКОВ родился в 1923 году в Калужской области в семье крестьянина. Трудовую биографию начал с 1939 года в Свердловске, затем восемь лет срочной службы в Советской армии: на Далнем Востоке, в Иране и Закавказье. После демобилизации - пять лет на оперативной работе в органах КГБ, три - на партийной работе.

На четвертом десятке лет своей жизни он решил заново создавать собственную биографию. К имевшейся профессии юриста добавил диплом инженера-металлурга, посвятив себя индустриальному производству.

С 1971 года живет в Димитровграде. Ветеран ДААЗа. В последнее десятилетие Дмитрий Егорович активно сотрудничает в редакциях городских газет. Читатели уже знакомы с его романом "Бунташный век". "Колдун" - первая книга талантливого димитровградского прозаика, работающего в исторической тематике.

